

МАРК-АНТУАН ЖЮЛЬЕН ДЕ ПАРИ И ЕГО ПЬЕСА «ОБЕТЫ ГРАЖДАНОК»

Предисловие К. Державина

Публикация и комментарии В. Александри

Французская буржуазная революция 1789—1799 гг. создала немало красочных и богатых эпизодами человеческих биографий. Движение широких народных масс, напряженность классово-борьбы, бурное развитие революционных событий—все это ежедневно открывало перед современниками тысячи жизненных путей, ярко запечатлевалось в судьбе людей этой эпохи. Революция создавала прихотливые биографии, и многие из них она продолжила далеко в глубь XIX в. Не мало таюже жизненных путей, определившихся в течение революционного десятилетия, по которым шли «люди революции», завершалось в годах и десятилетиях следующего века, в новых условиях общественной и политической жизни Европы, забытыми и полузабытыми эпилогами.

Революция создала особый стиль человеческих жизней. Этот стиль наиболее отчетливо и наиболее законченно отпечатлелся в тех якобинских биографиях, которые были рождены эпохой мелкобуржуазной, робеспьеристской диктатуры 1793—1794 гг. В своем «Происхождении современной Франции» Ипполит Тэн пытался реконструировать типическую схему того «якобинского сознания», которое являлось неотъемлемой частью подобной биографии. Он не смог, однако, справиться с этой задачей, и сочиненный им образ якобинца представляет собой безжизненную и предвзятую в своей враждебности карикатуру. Сама жизнь эпохи, запечатленная в официальных документах, в газетах, в политических брошюрах, в мемуарах, разрешила эту задачу гораздо многообразнее, богаче и убедительней. Из архивных досье, из частной переписки эпохи, со страниц воспоминаний до нас доходят свидетельства о многих и многих людях революции, чьи биографические пути скрестились с крупнейшими историческими событиями на рубеже двух веков для того, чтобы перейти через этот рубеж иногда прямыми и последовательными, иногда зигзагообразными и сложными направлениями.

Марк-Антуан Жюльен де Пари (1775—1848), писатель, журналист и политический деятель, оставил нам одну из типичнейших биографий революционной эпохи. Он был вовлечен в круг ее событий, и его имя сочеталось с наиболее драматическими эпизодами революционного десятилетия. Его жизнь закончилась в 1848 г.—в год новых революционных потрясений всей Европы, в которых уже обозначились контуры грядущей пролетарской революции. Жюльен де Пари умер почти в забвении, как и многие из его сверстников по эпохе Конвента, Директории и наполеоновских войн, но имя его заняло свое место в анналах общественной жизни первых десятилетий XIX в., в которые он принес свои либерально-демократические убеждения.

Сын левого монтаньяра, депутата департамента Дром в Законодательном собрании и в Национальном конвенте—Марка-Антуана Жюльена де ла Дром, автор «Обетов гражданок» впервые появляется на политической арене в качестве одного из четырнадцати депутатов от студентов Парижского университета, вручивших Национальному

собранию несколько тысяч ливров, собранных «в результате отказа от удовольствий» (1790 г.). Молодых патриотов от имени Собрания приветствовал епископ Отёнский—будущий министр иностранных дел Наполеона I и один из активнейших поборников реставрации Бурбонов, известный в дипломатической истории XIX в. под своим подлинным именем Талейрана.

В 1791 г. мы встречаем молодого Марка-Антуана Жюльена на посту секретаря якобинского «Общества друзей конституции города Роман». Он составляет докладные записки, направляемые в Национальное собрание, ведет активную политическую работу, вступает в переписку с Робеспьером и выдвигается на должность помощника военного комиссара, а впоследствии и военного комиссара пиренейской армии, оперировавшей против войск испанской интервенции (1792—1793 гг.). В сентябре 1793 г. Жюльен направляется в качестве ответственного и доверенного агента Комитета общественного спасения в южные и западные районы Франции и в их крупнейшие центры для того, чтобы «направлять и оживлять общественный дух в этих городах, просвещать народ, поддерживать народные общества, следить за внутренним врагом, разоблачать его заговоры и регулярно сообщаться с Комитетом общественного спасения». Ряд документов, хранящихся в архиве Жюльена (находящемся в Институте Маркса—Энгельса—Ленина в Москве), рисует перед нами его упорную каждодневную работу по поддержанию революционной законности, по наблюдению за местными органами, якобинскими обществами и отдельными представителями власти. В 1794 г. Жюльен переселяется в Бордо, облеченный вскоре полномочиями комиссара Исполнительной комиссии по народному просвещению. На этой работе ему приходится сталкиваться с самыми разнообразными вопросами организации народного образования, театральной политики, устройства национальных и патриотических празднеств и т. д.

Деятельность Жюльена, как одного из видных агентов якобинского правительства на периферии, прерывается арестом, последовавшим после контрреволюционного переворота 9 термидора. Заключенный в тюрьму, Жюльен получил свободу только в конце 1795 г. К тюремному периоду его жизни относится ряд документов, довольно полно характеризующих политические воззрения их автора, в частности, его принципиально отрицательное отношение к террору. Раскрытие заговора Бабёфа обращает на Жюльена подозрительность директорианских властей. Отрицая свою причастность к этому заговору, Жюльен вынужден скрываться и находит себе убежище в итальянской армии Наполеона Бонапарта. В 1797 г. он редактирует газету «Courrier de l'Armée d'Italie», выходящую в Милане. В 1798 г. мы встречаем его в Египте, в качестве военного комиссара. В 1799 г. он назначается генеральным секретарем временного правительства Неаполитанской республики. С 1801 по 1805 гг. он возвращается к работе на военных постах и занимает должность помощника инспектора по военным смотрам. В 1805 г. он получает орден Почетного легиона. В 1813 г. наполеоновская полиция арестовывает его. Падение Наполеона возвращает Жюльена к публицистической работе. Он недолгое время редактирует газету «L'Indépendant» и в 1819 г. основывает журнал «Revue Encyclopédique», в котором работает до 1831 г.*

Период наиболее интенсивного интереса Жюльена к вопросам театра относится к моменту его работы в Бордо. Там же, в Бордо, видимо, написана им и публикуемая ниже патриотическая пьеса «Обеты гражданок», сохранившаяся в копии с собственноручными поправками Жюльена в его архиве (ИМЭЛ).

Как и большинство якобинских деятелей в области просвещения, Жюльен неоднократно подчеркивал моральное и революционно-пропагандистское значение театра, зрелищ и народных празднеств. В театральной политике якобинской диктатуры, как известно, весьма отчетливо выявилось стремление к той «санкюлотизации» театра,

* Об этом периоде жизни Жюльена см. т. II, стр. 89—108 настоящего издания (С. Дурылин, П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique»).—Ред.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ГЕРОЛЬД

Проект гражданского костюма

Рисунок неизвестного художника
французской школы конца XVIII в.

Частное собрание, Ленинград

которая должна была полностью поставить театр на службу идейным интересам мелкой революционной буржуазии. В этом отношении взгляды Жюльена, выразившиеся в его докладах и письмах 1793—1794 гг., представляются весьма типичными для характеристики якобинского понимания общественной роли театра, как школы патриотических добродетелей и революционного воодушевления.

Так, в докладе о монтаньярской коммуне Лориан, который он сделал на публичном заседании народного и монтаньярского общества там же в Лориане 10 нивоза 2-го года (30 декабря 1793 г.), он говорит: «Национальные праздники являются наиболее могучей движущей силой для воздействия на общественное настроение свободного народа» («Rapport sur l'Orient, commune montagnarde», р. 47. Рукопись. Архив ИМЭЛ). Далее, в письме к членам Комитета общественного спасения от 24 плювиоза 2-го года (12 февраля 1794 г.) он пишет: «Самые незначительные, с первого взгляда, вещи могут породить серьезные результаты: устройством праздников, зрелищ, торжественных церемоний пробуждается энтузиазм масс» («Régistre de mes opérations et de ma correspondance», р. 203. Рукопись. Архив ИМЭЛ).

Через неделю после получения новой должности в Бордо Жюльен делает такую запись: «Бордо, 5 прериала 2-го года [24 мая 1794 г.] Республики единой и нераздельной. Марк-Антуан Жюльен, член Исполнительной комиссии отдела народного образования, посланный Комитетом общественного спасения в Бордо, во исполнение постановления Комитета общественного спасения, с поручением заняться в Бордо вопросами, входящими в круг деятельности комиссии, которой он состоит членом, и, на основании двух постановлений этой комиссии, которые он обязан выполнить во время своей командировки, первого—от 3 вантоза 2-го года Республики [21 февраля 1794 г.] о спектаклях и второго—от 8-го того же месяца [26 февраля] по вопросам народного просвещения, постановляет:

1) что директора театров Бордо обязуются в трехдневный срок представить точную информацию о пьесах, которые составляют их обычный репертуар;

2) что они должны посылать ему каждый день список пьес, которые назначены к постановке на следующий день;

3) что из двух пьес обычного репертуара, по крайней мере, одна должна быть обязательно на тему о революции, дабы будить в сердцах любовь к свободе.

.....
Муниципалитету Бордо, которому дается настоящее распоряжение, вменяется в обязанность следить за тем, чтобы каждодневно ставились патриотические пьесы» («Régistre de mes opérations et de ma correspondance», p. 252. Рукопись. Архив ИМЭЛ).

Свою идею о просветительной роли театра, зрелищ и т. д. Жюльен развивал, видимо, достаточно широко и успешно. Об этом могут свидетельствовать заявления «с мест».

Так, члены генерального совета коммуны Ла Рошель в письме к «нашему другу» Жюльену от 8 прериала 2-го года Республики (27 мая 1794 г.), после пространных рассуждений о прежнем театре «времен деспотизма», жалуются на то, что отдаленные от Парижа места, к сожалению, вынуждены еще пользоваться старым репертуаром. Они просят прислать список новых пьес, ставящихся на сценах Парижа. Письмо снабжено девятнадцатью подписями.

Письмо к Жюльену от комитета по просвещению при «Народном обществе Рошфора», помеченное 15 мессидора 2-го года Республики (3 июля 1794 г.), начинается следующими словами: «Гражданин, верные идеям, которые ты так хорошо среди нас развивал, и желая использовать все средства, могущие способствовать народному просвещению, мы признали, что спектакли могут приносить большую пользу в деле привития гражданам республиканской морали...». Авторы письма просят о доставке всех новых пьес, которые Жюльен найдет подходящими для пропаганды моральных и республиканских идей, а также маленьких патриотических опер, пригодных для постановки в любительских кружках. Под письмом—пять подписей.

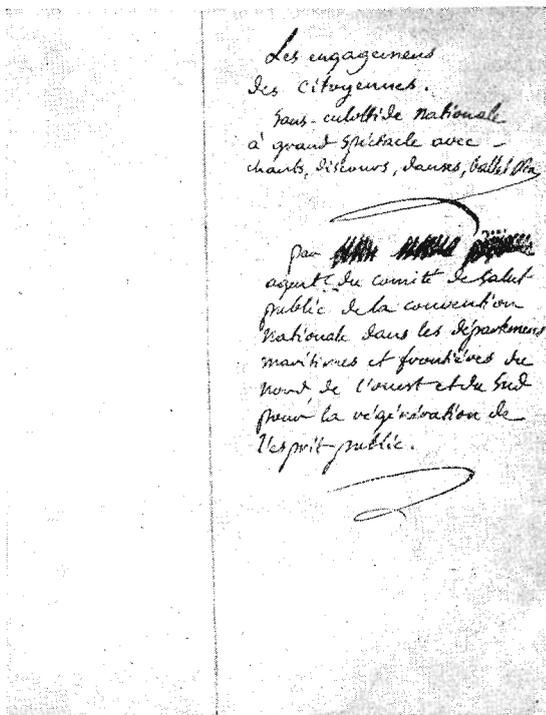
В этих же революционно-пропагандистских целях Жюльен написал и свои «Обеты гражданок», о которых в письме к Робеспьеру от 1 флореала 2-го года Республики (20 апреля 1794 г.) он сообщает: «Я составил маленький патриотический дивертисмент «Обеты гражданок». Я буду иметь честь представить его Комитету общественного спасения и, в случае одобрения, напечатаю это небольшое произведение вместе с приложенными к нему замечаниями об исполнении республиканского балета, которым пьеса заканчивается, для постановки ее в Париже и в других коммунах. Я не смотрю на эту работу, как на работу, чуждую моей миссии—делу формирования общественного духа, а к тому же, я потратил на нее всего три дня» («Régistre de mes opérations et de ma correspondance», p. 246. Рукопись. Архив ИМЭЛ).

Судя по всему, пьеса эта так и не увидела света театральной рампы. Мы не находим ее названия в репертуаре театров этой эпохи, равно как и не знаем ни одного ее печатного издания. Среди личной переписки Жюльена с некоей Клелией последняя сообщает ему 14 мая 1794 г.: «Ваша пьеса совсем еще не появлялась; нет надобности говорить вам, с каким нетерпением я пойду ее смотреть и с каким удовольствием я вам о ней сообщу». Само собой разумеется, что термидорианский переворот окончательно аннулировал возможность появления санкюлотских по своему существу «Обетов гражданок» на театральных подмостках.

Не приходится сомневаться в том, что постановка на сцене этой пьесы мало что прибавила бы к известности Жюльена: написанная в исключительно патриотических целях, она мало чем отличается от десятков и сотен пьес, стремительно сменявших друг друга на революционной сцене. В исторической перспективе, однако,

этот драматургический опыт имеет свой интерес и свое значение, как один из типичных образцов политико-просветительной санкюлотской драматургии. Для этой драматургии была характерна тенденция к использованию малых форм, к созданию фельетонно-публицистического стиля в драматургии и к применению в нем тех зрелищных элементов, которые были рождены широко культивировавшимися во Франции в эпоху революции народными празднествами, апофеозами, общественными обрядами и т. д. Этот драматургический стиль широко освоил традиции демократических театральных жанров, создавшихся еще до революции на малых бульварных парижских сценах. Он насытил их острой политическим содержанием и памфлетностью характеристик. Не менее широко он использовал такую и песенную традиции революции. Водявильный куплет сатирического характера, торжественная или боевая революционно-патриотическая песня, патриотический хор и т. д.—все это находит себе широкое применение в санкюлотской драматургии, выполняя все ту же политико-пропагандистскую функцию.

Сюжетная часть «Обетов гражданок» типична для всей санкюлотской драматургии малых форм. Носителями ее являются персонажи, встречающиеся, как традиционный элемент, почти в любой пьесе 1793—1794 гг. И пылкий патриот Клерваль—волонтер республиканской армии, и образец республиканской общественной добродетели—Добиньи, и притаившийся под маской лицемерного сочувствия республике «аристократ» Носикур,—их образы мы встречаем почти в каждой пьесе, откликавшейся на революционную и патриотическую злобу дня своего времени. Не менее типичны и женские образы. Типична также и самая атмосфера, в которой развивается несложное действие пьесы,—атмосфера патриотизма, включающая в себя своеобразную руссоистскую сентиментальность и покрытая легким флером типичного для эпохи Французской революции классицизма. Подобно многим пьесам репертуара 1793—1794 гг., «санкюлотиде» Марка-Антуана Жюльена написана под знаком патриотического феминизма и в этом отношении крайне показательна для настроений мелкой революционной

ЗАГЛАВНЫЙ ЛИСТ ПЬЕСЫ „ОБЕТЫ
ГРАЖДАНOK“ МАРКА-АНТУАНА
ЖЮЛЬЕНА, НАПИСАННЫЙ ЕГО
РУКОЙ

Институт Маркса—Энгельса—Ленина,
Москва

буржуазии, выдвинувшей из своей среды не мало женщин — активных участниц революционных событий и революционной борьбы, во главе с любопытной фигурой актрисы Клэр Лакомб.

Индивидуальной особенностью «Обетов гражданок» Марка-Антуана Жюльена является, главным образом, их подчеркнутый общественно-обрядовый характер. Общественная обрядность запечатлена в этой пьесе чрезвычайно настойчиво, что объясняется, несомненно, интересом ее автора к организации патриотических празднеств и церемоний. В сущности говоря, вся пьеса сводится в итоге к картине народного революционного празднества, организующим моментом которого является пространная речь комиссара, излагающего принципы республиканской морали и патриотической добродетели. Пропагандистский характер санкулотской драматургии неизменно подсказывал ей обращение к ораторским приемам раскрытия идейного содержания пьесы. Возвращенное и развитое революцией ораторское искусство, искусство политической речи и ораторской агитации, усиленно копировалось революционной драматургией. Не только специальные ораторские выступления прямым образом использовались в архитектонике множества пропагандистских пьес, но и действенные реплики приобретали ораторско-декларативный и публицистический характер. В этом отношении «санкулотыда» Жюльена «Обеты гражданок» является особенно показательным примером. Ораторско-пропагандистское начало проникает во все поры драматургической конструкции, и редкие из действующих лиц не говорят языком трибуны патриотического клуба или народного общества.

Жюльен, однако, не довольствуется всеми этими средствами театрально-пропагандистской выразительности. Он прибегает также к выразительности танца и пантомимы, заключая свою пьесу программой небольшого аллегорического революционного балета. Эта программа представляет собой особую ценность и является, пожалуй, наиболее интересным моментом в публикуемом произведении Жюльена, поскольку история революционного балета известна нам лишь по весьма скудным материалам. Не приходится сомневаться в том, что, хотя балетный финал «Обетов гражданок», как и вся пьеса Жюльена, не был поставлен на сцене, он, тем не менее, является документом, весьма характерным для хореографических устремлений революционной, в частности санкулотской, сцены. Сочиняя программу своего балета, Жюльен, видимо, ориентировался на имевшие место хореографические спектакли революционно-аллегорического стиля, используя, вместе с тем, опыт народных празднеств и зрелищ, в которых танцевальные и пантомимные элементы играли большую и, порой, преобладающую роль. Эмблематический и аллегорический характер этой балетной композиции ведет нас к тем танцам, которые оставила после себя Французская революция и которые были использованы ею в сценариях и постановках народных празднеств и общественных церемоний. Эта любопытная страница в истории хореографического театра еще ждет своего подробного исследования, но и оно, видимо, в свою очередь, устанавливает факт «санкулотизации» балета на службе идейно-пропагандистским и политико-просветительным задачам революционной сцены.

Типичность биографии Марка-Антуана Жюльена де Пари, прошедшего жизненный путь от уполномоченного Комитета общественного спасения Конвента до либерального журналиста эпохи Реставрации и Июльской монархии, сказалась и в его драматургическом опыте. Пьеса Жюльена — его неосуществленный театральный опыт «Обеты гражданок» дошла до нас, как характернейший образец санкулотской драматургии, вдохновленной патриотическим рвением, сознанием публицистической миссии революционного театра и преисполненной порой наивного, но всегда искреннего и убежденного гражданского чувства.

ОБЕТЫ ГРАЖДАНОК *

НАЦИОНАЛЬНАЯ САНКЮЛОТИДА ¹—ТОРЖЕСТВЕННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
С ПЕНИЕМ, РЕЧАМИ, ТАНЦАМИ, БАЛЕТОМ и т. д.

(МАРКА-АНТУАНА ЖЮЛЬЕНА)

УПОЛНОМОЧЕННОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
КОНВЕНТА ПО ПОДНЯТИЮ ДУХА ОБЩЕСТВЕННОСТИ В ПРИМОРСКИХ ДЕПАРТАМЕН-
ТАХ И НА СЕВЕРНЫХ, ЗАПАДНЫХ И ЮЖНЫХ ГРАНИЦАХ ²

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Добиньи, мэр
 Жюль, комиссар
 Туллия, сестра мэра
 Клеллия } подруги Туллии
 Эмэ-Свобода }
 Носикур, аристократ
 Клерваль, доброволец
 Санкюлот ³,
 Молодой человек, из призывников первого набора ⁴
 Мальчик, воспитанник Батальона надежды отечества ⁵
 Матери семейств
 Молодые гражданки
 Молодые люди, призывники первого набора
 Дети
 Народ

БАЛЕТ

ОБЕТЫ ГРАЖДАНОК

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ДЛЯ ОТДЫХА ПАТРИОТОВ

Действие происходит в одном из портовых городов Республики.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена представляет общественный сад. В глубине сцены: слева—обсаженный дере-
вьями дом мэра; справа—решетчатые ворота, ведущие в город.

СЦЕНА ПЕРВАЯ

*Эмэ-Свобода и Клеллия входят через решетчатые ворота, проходят
на авансцену театра, где стоит деревянная скамейка.*

Клеллия. Ну, дорогая Вероника, великий день наступил.

Свобода. Вероника?! Фу! Это пристало разве какой-нибудь ба-
бушке... Ты воображаешь, что я согласна носить имя, говорящее о какой-то
покровительнице—глупой святой старухе? Единственная покровитель-
ница для французов и француженок—это Свобода! Слышишь, гражданка
Луиза?Клеллия. Ну вот тоже—Луиза! Не знаешь ты разве, что подобным
именем звали ненавистного тирана и оно вовсе не к лицу такой патриотке,
как я?

Свобода. Как же зовут тебя теперь?

Клеллия. А твое имя как?

* Перевод с рукописи—В. Александри, отредактирован М. Неведомским.
Переводы стихов—М. Талова.

С в о б о д а. Слушай (поет на мотив: «Мы с играми в селе счастли-
вом...»):

Вердника мне имя было,—
В нем отзвук дряблой старины.
Его я новым заменила
В честь нашей доблестной страны.
В Республике все дышит силой:
Мы любим равенство, друзья!
Гражданского полна я пыла,—
Зовусь теперь Свободой я!

К л е л и я (поет на мотив: «Мы с детства в пору игр невинных...»):

Так поступила и Луиза:
В сем имени—какая честь?
С ним расстаюсь не из каприза,—
В нем что-то от тиранов есть.
Мне имя Клелия⁶ милее;
Клянусь: Республику люблю!
Любили ль римляне сильнее
Республику, чем мы—свою?

С в о б о д а. Меня окрестил молодой комиссар, присланный в наш портовый город правительством. Это крещение, полагаю, не хуже того, которое совершил бы какой-нибудь епископ из бывших.

К л е л и я. И я его крестница... В чем, однако, будет состоять церемония, которой должен торжественно закончиться сегодняшний декадный праздник?⁷

С в о б о д а. О, слухов всяких много! Говорят, будто всех нас выдадут замуж. Сначала отберут самых добродетельных, самых верных патриотов, самых бедных. Комиссар обещал дать им приданое от имени Республики. Остальных тоже выдадут замуж, но без приданого. Весь народ соберется, ибо гражданские свадьбы обязательно должны происходить публично, в многолюдных собраниях и входить в состав торжества у Алтаря Отечества⁸.

К л е л и я. Я лично замуж не пойду. Это у меня решено. Дождусь возвращения призывников первого набора.

С в о б о д а. Именно так я и представляю себе: свадьбы подготовят, сделают объявления, а самое заключение браков отложат до декады, к которой молодые люди успеют вернуться домой. Но вот Анжелика, она нам все разъяснит: ведь комиссар живет у ее отца,—она, значит, должна все знать о празднестве. Анжелика, Анжелика!..

СЦЕНА ВТОРАЯ

Те же и Туллия.

Т у л л и я (выходя из дома мэра). О, милые, меня зовут теперь Туллий⁹. Но не по имени дочки тирана Тарквиния, побудившей Гита предать отечество, а по дочери римлянина Цицерона, которая спасла родину от заговора Катилины. Такое имя дано мне комиссаром. Он при этом мне все разъяснил. Вам новые имена дал он же. Ты, Клелия, названа так в честь молодой римлянки, великодушие, мужество и пламенный патриотизм ко-

МАРАТ

Рисунок Никола́ де Куртейля

Музей „Архангельское“

торой снискали ей такое уважение у современников, что они воздвигли ей конную статую. А у тебя, Любимая-Свобода, прекрасное имя: Свобода будет вечно любима! Мне даже кажется, что теперь я и сама крепче тебя полюбила.

С в о б о д а. Сообщи же нам, дорогая Туллия (ведь я не ошибаюсь, таково новое твое имя?), в чем будет состоять церемония.

Т у л л и я. Вот в чем. Я все знаю от комиссара и расскажу вам. Сначала пойдет сегодня бесплатное представление патриотической пьесы, чтобы к удовольствиям, которые раньше доставались только богатым, получили доступ бедняки и санкюлоты—ведь для них-то и совершена революция! Затем комиссар созовет общее собрание гражданок в Храме Разума¹⁰. (Несколько важничая). Так мне говорил комиссар. Когда все гражданки соберутся, он предложит им расположиться в две колонны: по одну сторону станут молодые незамужние гражданки, по другую—матери семейств. Будет устроено возвышение, украшенное лаврами, с местами для комиссара, для моего брата, как мэра коммуны, и для председателя народного общества¹¹. Начнут с музыки и пения гимнов, а затем выступит комиссар. Он обратится ко всем матерям и остальным женщинам и предложит нам принести присягу: матерям семейств в том, что они воспитают своих детей в твердых республиканских принципах, а молодым девицам в том, что они вступят в брак только с республиканцами.

К л е л и я. О, что до меня, я всем сердцем готова дать такую присягу! Жених мой—добрый республиканец: ведь он пошел сражаться, не дожидаясь призыва.

Т у л л и я. Я также собираюсь выйти замуж за истинного республиканца. Он не в рядах бойцов—это, однако, не значит, что от него меньше пользы отечеству. Его дело — проповедывать свободу и покорять ей сердца,

разоблачать ее врагов, просвещать народ, а такие заслуги, думается, не менее достойны гражданского венка¹², чем разгром вандейских разбойников¹³. Если бы потребовалось, он дрался бы не хуже всякого другого: тому, чье мужество презирало тюрьмы и кинжалы, не страшны ни огонь пушек, ни рукопашная схватка. *(Это похвальное слово произносится с подъемом.)*

С в о б о д а. Какого это республиканца ты так горячо расхваливаешь? Кое о чем я догадываюсь... Тот, кто на общественной трибуне выступает пламенным проповедником свободы, тот в час свиданья не окажется холдным обожателем нежной Элоизы¹⁴: любовное пламя и огонь любви к родине горят на одном очаге.

К л е л и я. Бьюсь об заклад, что не пройдет дня, как Туллия станет женой комиссара. Тише, однако. Удалимся. Видите, он идет. У него очень взволнованный вид.

(Женщины удаляются через решетчатые ворота. Жюль и Добины выходят на сцену из дома мэра.)

С Ц Е Н А Т Р Е Т Ь Я

Жюль—комиссар, Добины—мэр, брат Туллии.

Жюль. Да, дорогой друг, от тебя я вовсе этого не скрываю. Тебе я доверил тайну своего сердца. Я обожал Эмилию. Едва прибыл я в ваши края, как со всех сторон я услышал восхваления ее за юную грацию, за живость, наивность, доброту, чувствительность... Ее называли воплощением всех добродетелей, всех, какие только мыслимы, дарований, усиливающих чары красивой наружности. Я увидел ее, полюбил и был любим ею!

Добины. Это было лишь в твоём воображении, Жюль. Не забыл же ты, в какое глубокое заблуждение ты впал, какими подпольными интригами завлекали в ловушку твое легкоеверие? Тебя надеялись соблазнить, чтобы затем погубить. Изучали твой характер, подмечали слабости. Он не любит золота,—говорили о тебе,—нет в нём вечно жаждущей скупости, вечно голодного честолюбия; его не соблазнишь никакими посулами сокровищ или почестей; он не боится угроз, не знает страха. Но душа его открыта, чиста, доверчива; в его пылком сердце мучительная потребность любить; он впечатлителен и не может быть равнодушным к красоте, к молодости, к невинности, к добродетели. И вот с тобой сближают красивую молодую особу, привлекательную, умную, страстную; ее происхождение от тебя скрывают. А она действовала лишь в интересах своих родителей и притворялась, что тебя любит.

Жюль. Все это мне известно. Ты мне сотни раз об этом говорил. Но мог ли я допустить, что в столь юном возрасте она уже научилась так скрытничать и притворяться? Во всяком случае, я тогда не знал, что дочерняя любовь хитро надевала обманчивую маску совсем иного чувства! Не предполагал, что при выборе возлюбленного она руководилась одной целью—спасением отца. Мои страстные взоры видели в ней только возлюбленную, а нетерпеливые желания побуждали судить о ее сердце по собственному моему сердцу... Внимая лишь голосу своей любви, я уже успел связать себя обещанием. Гименей должен был соединить нас узами, и мне казалось, он увенчает взаимное чувство: Эмилия составляла мое счастье и, мнилось, была счастлива мною. Но вскоре иллюзии рассеиваются, истина обнажается, счастье исчезает. Я узнал, что моя возлюбленная—дочь дворянина, притом «подозрительного»¹⁵ и состоящего

на службе, дочь человека, на которого я, быть может, должен наложить руку. Слезы жены задержали бы эту занесенную для удара руку, любовь вступила бы в борьбу с долгом... А кто может решиться на такую борьбу без опасений за ее исход? Если бы я был простым гражданином, рассуждал я, если бы принадлежал только себе, глаза мои видели бы в ней лишь подругу, происхождение же ее мало смущало бы меня... Я даже ощущал бы радость и удовлетворение при мысли, что мне удалось вырвать невинную жертву из среды обреченной касты. Но ведь это не так. Я весь принадлежу народу и должен все приносить ему в жертву—спокойствие, личное счастье. Самую жизнь я обязан отдать ему. Я принадлежу отечеству. Его строгий голос повелевает мне забыть свою привязанность—и я повинуюсь. Благо общества, долг патриота возбраняют республиканцу, призванному карать виновных, вступать в союз с дочерью человека, которого преследует закон. И я отказываюсь от своей любви, от своих желаний, от своих надежд, от своего счастья. Я внемлю голосу народа и искореняю в себе все, вплоть до сожалений о прошлом. Тогда мой долг выполнен.

Д о б и н ь и. Народ, дорогой Жюль, сумеет наградить тебя, сумеет лишь ты заслужить его признательность. Будь всегда доблестным, будь республиканцем! Пусть не действуют на тебя никакие соблазны. Ты сумел победить любовь—и сам станешь непобедимым. Остерегайся окружающих тебя тайных опасностей—они губельны при недостатке бдительности.

Ж ю л ь. Не раз спасали меня от козней твои советы. Пусть же и впредь оберегают они меня и руководят моим поведением. А сейчас позволь другу, никогда и ничего от тебя не скрывавшему, на твоей груди облегчить свое сердце. Поддержка друзей помогла мне побороть мою первую страсть, у меня хватило силы победить любовь. Довольно длительное путешествие, намеренно мною предпринятое, отдалило меня от Эмилии, но не смогло изгнать ее образ из моей памяти. Судьба снова направила меня в ваши места, я вернулся. Но я запретил себе встречу с той, в праве любить которую я себе отказал. Я хотел независимости, искал счастья в равнодушии. Вскоре, однако, я почувствовал, что только новая страсть может окончательно погасить не вполне потухшее пламя прежней страсти. Ты дал мне приют, я жил у твоего очага. Изо дня в день виделся я с твоей сестрой. Сначала в ее пользу говорил мне только разум. Но затем в сердце, которому нужна была новая рана, чтобы залечить прежнюю, мучительно его терзавшую, стала незаметно проникать любовь. На первых порах я думал, что чувствую к Туллии лишь простую симпатию, как к сестре моего друга. Я был ей, казалось мне, лишь братом: без робости сближался я с ней, доверил ей тайну моего первого увлечения и той борьбы с самим собой, которая была необходима, чтобы избегнуть роковых последствий. Я видел слезы Туллии и сам плакал. И пылкая моя душа загорелась новой страстью. Брат и друг скоро превратился в влюбленного. Но смел ли я признаться в этом новом своем чувстве той, которая знала о моей первой любви и полагала, что я только сейчас от нее избавился? Я молча вздыхал. Я подавлял пламя, которое только сильнее от этого разгоралось. Так прошло два месяца, в которые я выжидал минуту, когда мог бы открыть тебе свое сердце, поговорить с тобой с полной откровенностью. С каждым новым днем я обнаруживал в моей Туллии новые добродетели, новые прелести. Ее любовь к отечеству, ее характер, словно для меня созданный, ее возраст, происхождение—все это делает ее необыкновенно для меня привлекательной. Как был бы я счастлив, если б мог назвать ее своей женой!

Д о б и н ь и. О, как был бы счастлив и я, если бы Жюль стал супругом Туллии и оказался моим братом! Это было бы осуществлением и моих желаний. Дорогой друг, ты ничего от меня не скрываешь, могу ли и я что-нибудь от тебя утаить? Ты обязываешь меня к полной искренности. Мою сестру с раннего детства знает один молодой человек,—сейчас он ушел по первому набору в армию и бьется с врагом. Ему прочили союз с Туллией. Туллию предназначали Клервалю.

Ж ю л ь (*страстно и с горечью*). Все кончено! Мне суждено быть несчастным! Но, верный добродетели, я возложу на себя бремя еще одной жертвы. Неужто стану я оспаривать у него возлюбленную в то самое время, как он смотрит в лицо смерти, выполняя долг перед родиной? Ведь он, пожалуй, раскаялся бы в своей любви к свободе, в том, что устремился на ее защиту! Ведь я мог бы отнять у него самую дорогую для него награду! Нет, нет! Лучше умереть!

Д о б и н ь и. Но ведь, как бы то ни было, только сестре моей принадлежит тут право решать. Ты сегодня же должен с ней переговорить. И если стремления ее сердца совпадут с моими,—еще не кончится сегодняшний день, как Жюль станет мне братом, а ей—мужем. Ты понял меня?.. Час праздника приближается. Я покину тебя. Нужно спешить с приготовлениями. Я за тебя поговорю с сестрой. До свидания же.

С Ц Е Н А Ч Е Т В Е Р Т А Я

Ж ю л ь (*один*). О, небо! И надо же это было, чтобы первая, на кого пал мой выбор, злоупотребила моим чувством и внушила мне любовь, которую народ осудил бы. Но мало этого! И теперь, когда я остановил свой выбор на другой, я обречен и от нее отказаться... О, сердце, слишком чувствительное! О, вечная жажда любви и пламенное воображение! Что за роковой дар природы этот вулкан, таящийся в моей груди! Неужели мужчина останется всегда рабом женщины? Неужели любовь может сковать душу, возвысившуюся до чувства собственного достоинства, до добродетели и доблести? Обуздывай же порывы своих страстей! Стань свободным ты, защитник свободы!.. А что, если Туллия ответит любовью на мою любовь?.. Быть может, ее сердце еще не занято? В конце концов, разве у нас с Клервалем не равные права? Он первый с ней встретился. Неужели этого довольно, чтобы его предпочесть?.. Безумец! Полно искать оправданий для своей несчастной любви! Стань выше этого! Стань достойным самого себя! Защитник отечества—тебе брат и друг; его возлюбленная для тебя священна. Неужели пойдешь ты на то, чтобы, подло воспользовавшись его отсутствием, похитить самое для него дорогое? И как раз в тот самый день, когда ты собрался призвать молодых гражданок к обету—лишь верных слуг родины награждать своей верной любовью, завершить которую должен Гименей!..

Что здесь нужно, однако, этой нелепой фигуре, одна физиономия которой целиком выдает ее настроение?

С Ц Е Н А П Я Т А Я

Жюль—комиссар и Носикур—старый аристократ с унылой физиономией.

Н о с и к у р. Я направлялся к вам, сударь, и рад, что имею честь и возможность, встретив вас, поговорить с вами наедине.

N. 1.
ROLAND
 à Roncevaux,
 Chant National.
 (R. D. S.)
 Strasbourg, Mai 1792.

2

Andante *mf*

Allegro *ff*

НОТЫ ПЕСНИ РУЖЕ ДЕ ЛИЛЯ „РОЛАНД В РОНСЕВАЛЕ“, ИЗД. 1792 г.
 На припев этой песни: „Умрем за родину“ написан гимн в пьесе „Обеты гражданок“
 Частное собрание, Ленинград

Жюль (в сторону). «Сударь»... «имею честь»... Личность явно старорежимная. Должно быть, какой-нибудь судейский крючок или поповская ряса. Плащами да рясами этими прикрывалось больше предрассудков и преступлений, чем тайлось прелести и чар под поясом Венеры. (К Носикуру, сухо.) Что вы имеете мне сказать?

Носикур. Разрешите обратиться к вам с просьбой разъяснить, что это за слухи ходят. Говорят о каком-то празднике нового образца, будто женщины должны сыграть в нем особую роль. Говорят даже, что те, кто не явятся, будут зачислены в «подозрительные». Я окончательно теряюсь... Только и разговора, что о «подозрительных»,—это слово у всех на устах.

Жюль. А знаете ли вы, что одна ваша манера говорить уже вызывает во мне изрядные сомнения на ваш счет?

Носикур. И вы туда же! Это значит, что вы меня плохо знаете... Я честный гражданин. Я ведь не пропустил ни одной очереди в карауле, уплатил все причитавшиеся налоги... Необходимо было... Но о каких это женских обетах может идти речь? Точно стоят чего-нибудь их обеты!..

Жюль. Обеты, даваемые нашими гражданками, не менее святы, чем наши. Не извольте равнять славных наших санкюлоток и добродетельных республиканок с прежними прекрасными дамами, у которых одно было на языке, другое на сердце. Ныне женщины—участницы в жизни государства. Искуплены по отношению к ним все несправедливости старого режима: они призваны укреплять новый режим, призваны обеспечивать прочность республики.

Носикур. Понимаю! Женщины станут по отношению к нам тем, чем мы были для них. Им в ближайшем будущем дадут доступ к общественным должностям, и они, конечно, не замедлят закрыть его нам... И вот мужчины возьмутся за домашнее хозяйство: мы увидим за прялкой наших геркулесов, а прекрасный пол займется законодательством. Эти новшества совсем сбивают меня с толку.

Жюль. Охотно верю. Язвительность ваша и желчное настроение дают ясное представление о настоящей цене вашего патриотизма... Знайте же: гражданки наши сумеют ограничить себя кругом обязанностей, возлагаемых на них природой и обществом; во всем будут они заодно с нами, будут приходить нам на помощь везде, где природа и общественность это позволят. Нет разве у них сердца или нет отечества? И разве влиянием личных добродетелей они не будут содействовать росту и блеску добродетелей гражданских? Они взяли на себя охрану и распространение революционных принципов и революционного духа. Вот священный огонь, уж, конечно, не менее ценный, чем тот, что некогда охранялся римскими весталками. И никогда не дадут угаснуть этому огню французские санкюлотки!

Носикур. А охрану наших портов и морских границ они тоже на себя взяли?

Жюль. Конечно. И если опасность будет грозить какому-нибудь нашему порту, если волны моря принесут к нашим берегам вражескую флотилию, все граждане станут солдатами, а гражданки поспешат в их ряды—подавать патроны, перевязывать раны, пойдут навстречу смерти бок о бок с мужьями, сыновьями и братьями! Да мы уж и видели это под стенами Анжера¹⁶, Мо¹⁷, в осажденном Гранвиле¹⁸... А если б врагу удалось проникнуть в какой-нибудь из наших городов и улицы его были

бы наводнены его святотатственными когортами, мы увидали бы, как тучами падают камни, потоками льется кипящее масло, низвергаемое женщинами с высоты домов, несущее смерть врагам. Свойственная их полу слабость не исключает мужества, и гражданка вправе взяться за любое оружие: она ведь свободу защищает, защищает отечество!

Н о с и к у р. Вот в чем дело... Мы, значит, возвращаемся к древним векам. Осуществится все, о чем говорят мифы. Наши женщины станут героинями, мы обзаведемся полубогами, новым Олимпом и Пантеоном. Вместо монахов и священников будут жрецы и авгуры. Флореаль и мессидор¹⁹ явятся заменой богинь весны и осени. Все меняют—такова нынче мода...

Ж ю л ь. И необходимо было все изменить там, где одна неправда цеплялась за другую, где всем завладели деспотизм и суеверия. Священники были не лучше королей, и, как истым врагам революции, им не было места там, где воцарялась свобода. У них был общий трон, их и следовало уложить в общую могилу. Долой же все, что о них напоминает! Долой королевские побрякушки, скипетры, короны, а заодно и статуи святых, и кресты, и церковные хоругви! Долой всю эту нелепую бутафорию! Три цвета²⁰, которым предстоит вскоре распространиться по всему земному шару; эмблемы свободы²¹, равенства, гражданские венки, отнюдь не возлагаемые на голову живым, а лишь на голову павшим за отечество; изображения этих героев—на память народу; Древо Свободы²², вздымающееся по лицу всей французской земли, национальное знамя, высоко в воздухе реющее,—вот что должно запечатлеваться в наших глазах. Освободившись от деспотизма и рабства, народ вырвался и из оков фанатизма и предрассудков. Наши храмы—Храмы Разума, наши праздники—праздники Отечества.

Н о с и к у р. Но ведь в иных городах переименовали даже улицы. Очевидно, это какая-то мания перемен. И она в свое время пройдет, как проходят другие.

Ж ю л ь. Переименования, даже те, что на первый взгляд кажутся незначительными, часто полезны для воспитания патриотических чувств: каждая коммуна может дать яркую картину хода нашей революции, запечатленную во всех общественных местах. Улица 14 июля²³ приводит на площадь 10 августа²⁴, улица 31 мая²⁵—к проспекту Горы²⁶ и на улицу 21 сентября²⁷. Таким путем в памяти каждого гражданина закрепляются основные моменты, знаменующие переход от эпохи деспотизма к эпохе свободы. Ребенок ли или приезжий, в силу естественной любознательности, незаметно для самих себя, ознакомятся с историей Французской революции. Улица 14 июля с прилегающими к ней улицами Мощи, Мужества, Пик, Кокарды, Красного колпака, Санкюлотов напомнят о падении Бастилии, о тех, кто разрушил этот вертеп тирании, а это было первым сигналом разрывавшего свои оковы народа. Квартал Пантеона включает в себя улицы Брута, Марата, Вильгельма Телля, Клелии. Здесь увидят одно за другим имена великих людей и замечательных женщин разных времен и народов. На их подвигах будут воспитываться, явится желание им подражать. Обогащается воображение, ширится ощущение жизни, идеи свободы и родины через глаза проникают в души. Влекущие своей величавостью образы, обступая граждан со всех сторон, порождают в душах страстную привязанность к новому социальному укладу, к законам, опирающимся на свободное влечение, на непосредственные и неизгладимые впечатления.

Но с и к у р. Если бы этим ограничивались!.. Но ведь столько других новшеств. Приходится лично нести караульную службу. Стоять на карауле мне—бывшему председателю! Нам, право же, есть на что пожаловаться...

Ж ю л ь. Велика беда! И какой же республиканец пойдет на то, чтобы сваливать на чужие плечи дело охраны отечества, охраны своего лучшего достояния—свободы? Весь французский народ теперь на-страже, и каждый из нас должен стоять на часах. А вот тебе куда больше пристало бы не здесь стоять на часах, а в Кюбленце²⁸.

Но с и к у р. Э! А на что же здешние солдаты? То и дело приходится отводить помещения... Направляют военных в мирную обитель служителя Фемиды!²⁹.

Ж ю л ь. Да ну тебя! Защитники свободы и не подумают селиться у приказной крысы, вроде тебя! Они побоятся дышать таким зараженным воздухом и обойдутся без пристанища, которое ты с такой неохотой предоставил бы им! А вот посмотри на других—какой трогательный братский прием они оказывают солдатам, направленным в эту местность для надежной ее защиты! Не передашь словами, с какой радостной поспешностью предлагались помещения: наперебой друг перед другом стремились первыми уступить свое жилище. Даже те, кто удручен бедностью, видели в ней несчастье лишь потому, что она лишала их возможности чем-нибудь поделиться с защитниками свободы. Но и эти ищут у себя хоть малых излишков и делятся с солдатами. Прибывающие не знают, кого и слушать. Их тянут за руку, как милости, добиваются их согласия на тот или иной кров. Разбогатевшим чувствует себя каждый, кому удалось ввести к себе в дом солдата. И у всех на глазах слезы радости и умиления! В прежние годы старались избавиться от солдатского постоя, как от ненавистного бремени... Нынче то, что было тяжелой повинностью, стало удовольствием и радостью. О, свобода! Какие чудеса ты творишь! Равенство, Братство, Свобода, слава вам и благодарность за те, доселе неведомые, драгоценные чувства, которыми вы наполняете наши сердца!

Но с и к у р. Что бы вы ни говорили, но факт тот, что нет ничего досаднее службы при новом режиме. Хорошая половина мест не оплачивается. Этого прежде не было. Всегда можно было рассчитывать на время, терпение и посторонние доходишки и быть уверенным, что, в конце концов, кое-чего добьешься.

Ж ю л ь. Знаю. Для людей вашего разряда грабеж был привычным делом. Нынче в почете бедность. Что же касается бесплатной службы, то за нее республиканская доблесть умеет давать вознаграждение: тому, кто служит в муниципалитете, приходится покинуть свой плуг и поле для работы на пользу сограждан; и вот вся коммуна сообща дает ему справедливое возмещение: сограждане по очереди пашут за него его поле. Так что, пожалуй, и выгода есть в служении народу. При каком короле можно было увидеть что-либо подобное?

Но с и к у р. В мире все перевернулось вверх дном! Надо стать бедняком, чтобы разбогатеть. Незаконнорожденного ребенка признают законным. Только добродетель дает знатность. Ничего я тут не вижу, кроме гибели порядка, кроме смуты и хаоса. И вот еще—это право усыновления. Ребенок не будет даже знать, кто его родитель!

Ж ю л ь. Ах, надоели мне клевета твоя и причитания! Усыновление! Прекраснейшее установление, какое только и может быть в республиканской стране. Да, Франция чтит старость, охраняет детство, помогает

Souvenirs.

j'étais com- des guerres à l'armée des pyrénées. le ministre parle on'avait nommé, le gal. serran voyait en moi un dérangé et il ne me regardait pas. D'avis de nous de puis longtemps d'annoncer et la grande tout il était l'agent et d'avis de nous de la mort de moi, sans appel au peuple. je fus exilé à l'arbes et chargé de deux juts. j'ai des accablant pour un jeune homme nouveau dans ses fonctions et sans expérience, on avait espéré me faire succomber, on me suscitait chaque jour de nouveaux embarras. j'avais organisé deux compagnies formant un total de 300 hommes. c'étaient de braves et robustes paysans, descendus des montagnes, mais ils manquaient d'armes et d'habits. leur dévouement ne leur permettait pas même de monter la garde dans la ville où j'étais exilé. le gal. connaissait leur triste position et négligeait de pourvoir à leurs besoins. tout-à-coup il m'envoya l'ordre de les faire partir pour l'armée. je devais obéir. l'ordre est transmis par les capitaines des 2 compagnies. les soldats se révoltent et menacent de retourner dans leurs foyers. on leur avait promis de les équiper, de les armer et on les envoye nu et à l'ennemi. leur indignation était fondée. je me transporte à la caverne et veux les appaiser. je ne le puis qu'en leur donnant une parole solennelle que le matin même de leur départ, c'est-à-dire le lendemain, je leur procurerais des habits, des souliers et des armes. je n'avais aucun magasin, aucun fond à ma disposition. mais j'étais président de la société sup. et j'avais la force de l'opinion et les bourses comme les cœurs des patriotes. je convoque la société. c'est peu, dit-je aux membres, de parler de son patriotisme; il faut le prouver par des faits. quand la patrie réclame des sacrifices, il faut les offrir avec joie. je ^{depuis} m'engage en son nom, pour deux compagnies de volontaires qui vont partir pour l'armée, 300 chemises, habits et équipements complets, autant de fusils, de gibernes et de sabres. Vous, habitants des villes et gardes niles de l'intérieur vous n'avez besoin de vos uniformes et de vos armes que pour de vaines parades; ils appartiennent de droit à ceux qui vont vous défendre. j'avais le langage brûlant de la liberté. tout est fourni; le lendemain même, c'est à

несчастливым. Бледные светильники греков и римлян меркнут перед зарею французской свободы. Богатство будет только средством помогать бедноте. Сирота найдет отца; старец-инвалид—любящего и добродетельного сына в приютившем его человеке с достатком. Люди станут братьями одной семьи. Усыновление создаст связь не хуже родства природного.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Те же два действующих лица. Появляются мэр и группа молодых гражданок. Они пришли за комиссаром, окружают его и кричат: «Крёстный! Крёстный!»

Одна из гражданок. Вот на! Что у него за дела с господином де Носикуром? Ведь уж этот-то заведомый аристократ...

К л е л и я. Идемте, крёстный, вас ждут, чтобы начинать торжество. Мы вернемся сюда целым шествием.

Мэр, комиссар и девушки уходят. Носикур смотрит им вслед с несколько озадаченным видом и уходит последним. Куплеты молодых гражданок на тему о предстоящем празднестве, на которое они собираются. Уходя, они напевают:

День счастливый настает.
Выйдет праздник наш чудесным!
Пусть в веселье повсеместном
К нам вся родина примкнет!

Конец первого действия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В глубине сцены поднимается занавес, видны: Храм Разума—под открытым небом; несколько колонн, гора с Древом Свободы. По одну сторону стоит трибуна для ораторов, по другую—Алтарь Отечества; на колоннах—эмблемы Свободы с надписями: Безбрачие—социальное преступление. Братство создает из людей одну семью. Узы усыновления не слабее уз крови. Добродетель—основа свободы. Чтобы быть хорошим гражданином, надо быть хорошим сыном, хорошим супругом, хорошим отцом. Добродетели частной жизни рождают добродетели общественные и т. п.

Появляются граждане и гражданки с мэром и комиссаром во главе. Все молодые гражданки без головных уборов и с простыми прическами, одеты в белые платья с трехцветными поясами. Матери семейств, как и молодые гражданки, идут попарно и размещаются одни направо, другие на лево от трибуны; появляться в храме им следует с двух противоположных сторон.

Оркестр: марш, длящийся несколько дольше самого шествия. Появляются изображения Марата, Лепеллетье³⁰, Шалье³¹, Брута, увенчанные дубовыми листьями; их несут санкюлоты. Музыка несколько грустная, в соответствии с происходящим на сцене. Двое из участников шествия, гражданин и гражданка, сменяя друг друга, поют гимн Работо^{32}.*

* Этот гимн сочинен республиканцем Работо де Ла Рошелем ко дню открытия памятников-бюстов Марата и Лепеллетье; он дал его в мое распоряжение, и я с удовольствием вставляю его в текст, считая при этом своим долгом огласить имя автора.

На мотив: «Умрем за родину, друзья...»

Мы жертв свободы пред собой
 Лик созерцаем величавый.
 Их имена почтим хвалою,
 Им, преклонясь пред их судьбой,
 Дань воздадим с венками славы
 И повторим мы все толпой:
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борцов, достойный восхищенья! } bis

*

Свою измену оплатил
 Людовик под мечом закона.
 Сенат за правду отомстил,
 И слуги сверженного трона,
 Напрасно жертв ища, в сенат
 Свой хищный устремляют взгляд.
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борцов, достойный восхищенья!

*

Своих раздавленных врагов
 Париж является мишенью.
 Но тщетен будет вражий ков.
 Среди наших стонущих рядов
 Я слышу голос утешенья.
 Он повторять всегда готов:
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борца, достойный восхищенья!

*

Средь козней вражьих и сетей
 Марат идет упорно к цели;
 Не утрашит его злодей;
 Он на трибуне—друг людей;
 Скрываясь от врагов, на деле
 Народ хранит он от цепей.
 За край готов принять мученья,
 Стране—вся жизнь его и помышленья!

*

Вооруженная рука
 Нормандской кликою кровавой,
 Ему ты в сердце сталь клинка
 Вонзила; рана глубока,—
 Но тем ускорила ты славу,
 И он переживет века.
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борцов, достойный восхищенья!

*

За славный подвиг, о, Лион!
 На стогне ждет ужасной казни
 Шалье, но разве слышен стон?
 Пред смертью не бледнеет он,
 Ее встречает без боязни
 И повторяет, упоен:
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борцов, достойный восхищенья!

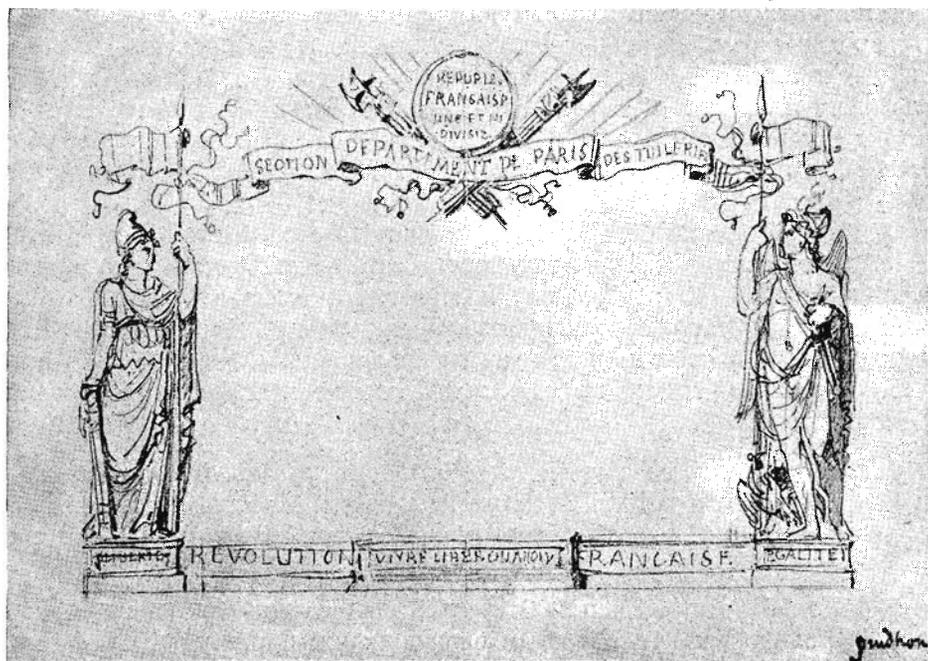
*

Пусть на дела свои взглянут
 Враги толпою побежденной
 И правды торжество поймут.
 Ты завещал, о, гордый Брут,
 Французам дух свой окрыленный;
 Сей дух неукротим и крут.
 За край принять смерть и мученья—
 Удел борцов, достойный восхищенья!

*Комиссар поднимается на трибуну. Царит глубокое молчание.
 Он берет слово:*

Комиссар. Граждане! Прекрасен этот день—это собрание целой коммуны, на котором республиканцы и республиканки в священных и торжественных обетах закрепят тесную связь с отечеством. Тот пол, который создан для украшения общества всей прелестью добрых нравов, для воспитания душ и направления их по путям добродетели воздействием самых могущественных и самых сладостных влияний, долго, слишком долго был осужден на суетное, пустое, достойное презрения существование. Пусть женщина вознаградит себя сегодня за ту гражданскую смерть, на которую ее обрекал деспотизм. Гражданки! И у вас есть сердце, которое бьется для свободы, для родины, которое может питать ростки самых возвышенных добродетелей. Если вас не призывают к общественным должностям, если, по воле общества, ваша деятельность замкнута границами домашней жизни, это не значит, что вы менее дороги нашей общей матери или меньше других призваны работать на ее пользу. Ваш пост—у ваших очагов; здесь должны вы возвращать юных республиканцев, внушать им правильные понятия: зароненные устами матери в их молодые души, эти понятия созреют и дадут плоды и приготовят их к добродетельным делам, примеры которых подадут им своей жизнью отцы. Будьте насаждителями гражданственности и морали, считайте себя ответственными перед отечеством за свои идеи в той же мере, как и за свое поведение. Матери, пусть каждая из вас сделает свой дом начальной школой республиканского сознания. Пусть эта школа даст нам новых Эпаминондов⁸⁸, новых Гракхов. И у вас будет доля в триумфе ваших сыновей, в услугах, оказанных ими народу, и заодно с ними вы удостоитесь народной благодарности, любви и уважения. Поднимите сердца ваши до высоты и важности вашей деятельности и возложенных на вас обязанностей. Любящая мать, благородная республиканка, взгляни на своего сына—залог добродетельной любви, залог гражданского Гименя. С колыбели губы его лепечут

слово отечество; у тебя научился он произносить это слово, от тебя должен научиться и любви к нему. Ты расскажешь ему, что недавно его родина была рабской страной, расскажешь, как была завоевана свобода, как граждане сражались, чтобы раз навсегда покончить с тиранией. Ты докажешь ему, что самое слово «король» должно вызывать отвращение, и внушишь ребенку ту любовь к Республике, которой должна пламенеть его душа. Ты будешь говорить ему о благостной и святой свободе, о спутнике ее—равенстве, о братстве, которое сплачивает людей в единую семью. Ты будешь волновать его душу, постоянно рассказывая ему о военных подвигах, приводя образчики доблести и преданности отечеству, число которых растет и растет в летописи нашего времени. Загорится

ПРОЕКТ ОБРАМЛЕНИЯ БИЛЕТА ТЮЛЬЕРИЙСКОЙ СЕКЦИИ ДЕПАРТАМЕНТА ПАРИЖА

Рисунок П.-П. Прюдона

Эрмитаж, Ленинград

его юное сердце: энтузиазм к добродетели, к свободе и славе уведет его от низменных и порочных склонностей, губивших юношество при старом режиме. События памятных дней, создававших мощь революции, во всех их подробностях запечатлеются в его сознании. И вот он готов стать мстителем за народ, свергать тиранов, без страха смерти идти в битву, подниматься на трибуну для разоблачения предателя. Вскоре он достигает возраста, когда Республика обращает на него свой взор: он поступает в начальную школу, в ряды молодежи, составляющей Батальоны надежды отечества; он несет в среду товарищей принципы, которые впитал с молоком матери: человечность, послушание, добрые дела, мужество; его уважают и любят; любовь ближних дает ему счастье. Тебе, добродетельная мать, он всем этим обязан, и, благодарный, он уже вознаграждает тебя за все твои труды и заботы нежной привязанностью. Но тебя ждут

еще иные радости. Вот он настал, торжественный день, когда твой юный республиканец облачается в одежду мужа и гражданина. Он был хорошим сыном, сыном своего отца и твоим, и знает, как сделаться хорошим супругом и отцом. Может ли выйти из него плохой гражданин? Не может. Ибо отечество ему—первая семья, ибо с самых начальных наставлений своих ты задавалась одной целью—сделать его достойным сыном Французской республики. И вот на твоих глазах сограждане призывают его к одному почетному посту за другим, окружают его доверием и уважением... Он нанес поражение врагу, возвращается победителем, и гражданский венок венчает не его только голову: он спешит поделиться им с той, чьи заботы помогли ему заслужить такую награду... Его рука поспешно возлагает самые красивые в венке листья на колени матери, другую половину венка он кладет на грудь своей возлюбленной или жене. Он произнес речь на публичном собрании, его голос прояснил сознание народа и привел в смятение заговорщиков. Речь его покрывается возгласами одобрения. Его мать—свидетельница этого блестящего триумфа. Со всех сторон она слышит: «Счастлива мать, которой отечество обязано таким гражданином!». Какое умиление и какая радость увлажняют слезами ее глаза, какой восторг пьянит ее сердце!

О, конечно, гражданки, матери семейств, вы обещаетесь воспитывать детей в принципах свободы, внушать им, что всякий республиканец должен предпочесть смерть рабству, обещаетесь непрестанно указывать им на пример их отцов, боровшихся за родину против тиранов, обещаетесь возвращать в каждом из них душу республиканца.

М а т е р и с е м е й с т в (все вместе, с поднятием рук). Обещаем!.. Обещаем!..

Краткая оркестровая музыка, под которую гражданки обнимаются, а народ проявляет радость. (Куплеты матерей семейств на тему об обязательствах, ими на себя принятых, и о том, к каким последствиям это приведет.)

К о м и с с а р. Гражданки! Отечеству даются лишь обещания. К клятвам постоянно прибегали рабы и опозлили их. С республиканки достаточно взять слово: она не погрешит ни забывчивостью, ни преступным его нарушением. Вы, гражданки, свои обязательства выполните. А вы, граждане, перед которыми только-что даны эти обязательства, продолжайте дело укрепления Республики. Ваши усилия даром не пропадут, дети ваши завершат ваши труды и будут достойно пользоваться их результатами: свободные и доблестные, они будут отдыхать под сенью этого древа, которое повсюду будет насаждено свободой, по мере распространения ее по всему миру. «Оно посажено нашими отцами!»—скажут они, и сердца их благословят вас, и вы будете жить в их любящей памяти.

Пусть преступления еще царят в должностных местах, а порок и интрига еще сильны и даже порой как бы торжествуют, пусть подлые пережитки режима, под пятой которого Франция изнывала тринадцать столетий, все еще оскверняют и грязнят страну свободы,—да обратятся ваши взоры к будущему поколению, и вы увидите, как порок вырван с корнем, как в почете лишь добродетель, как незыблема Республика! Если сейчас предательства и подлость вынуждают войны и льется чистейшая кровь защитников отечества, то пусть в момент гибели они скажут себе: «Не без пользы для сограждан наших мы умираем!»—и да облегчит эта мысль

БИЛЕТ ЯКОБИНСКОГО КЛУБА ГОРОДА
 БАРЖОЛЯ, ДЕПАРТАМЕНТА ВАР

Институт Маркса — Энгельса — Ленина,
 Москва

последний их вздох!.. Самая чрезмерность нынешних преступлений побудит человечество к полному отмщению. Море революции поглотит все, зальет потопом землю, разольется на необозримом пространстве; на поверхности вод останется только добродетель, и ковчег—ее убежище—уверенно причалит к острову свободы, а к нему никогда не найдут доступа приверженцы преступлений и тирании! Свободные люди, раскройте объятия прекрасному будущему—оно близится. Без следа исчезнете вы, интриганы, эгоисты, честолюбцы и низкие духом,—народ и добродетель останутся!

Но что это за шум? Что за толпа спешит на наше празднество?

Один из граждан. А! Молодежь из первого набора... Какой у них довольный вид! И не удивительно: они славно повоевали! Теперь отдохнут, и вполне заслужен будет отдых, который сограждане им предоставят.

В сопровождении военной музыки и с барабанным боем появляются призывники первого набора.

Призывник первого набора. Граждане и гражданки, к вам возвращаются молодые ваши сограждане, которых отечество призывало на свою защиту. Они выполнили свои обязанности, но по-республикански готовы по первому же зову вновь лететь туда, где грозит опасность и требуется отвага. В нескольких деревнях вспыхнуло восстание, подготовленное тайными агентами Питта³⁴ и его кликой. Сила наша и храбрость шли против подкупа и смуты. Мы захватили главарей преступного движения, и нам удалось на корню пресечь войну, которая могла стать опасной. Мы обязались не возвращаться в свои дома, пока не победим, и вот семьи наши, родители и друзья могут нас принять, не стыдясь за нас: мы их достойны! Приближался день празднества—день освящения декады; форсированным маршем двигались мы вперед, чтобы ускорить бой, и удвоили шаги, возвращаясь, чтобы сделать приятный сюрприз согражданам и принять участие в общем ликовании.

[Призывники первого набора и встречающие их молодые гражданки попеременно поют следующие куплеты:]

Один из юношей

Пред вами ваши братья, друзья,
Мы, победив, вернулись в наш очаг.
Тиранов подлых злые слуги
Погибли и раздавлен враг.

Другой

Свободы чистой светлый гений
Для патриотов это—бог сражений.
Любовью светлой зажжены
Сердца к судьбе родной страны.

Первый юноша

Она погибла, рать насилий,
Разбойники, клеветы королей;
Мы ради братьев победили,
И ради родины своей
Мы всех противников сломили...

Хор юношей

Храбры мы, не знаем бед.
В храбрости—залог побед.
Не победа ль освещает
Монтаньяров путь святой?
Гений славы вдохновляет
Их на подвиг боевой.

Одна из девушек

Кто защищает край родимый,
К победе тот идет надежней и верней.
В бою он видит лик любимый
Супруги милой и детей.

Другая

Встречая меч врага без страха,
На поле пав, живет в потомстве он,
И, смертный, созданный из праха,
Он для бессмертия рожден.

Первая девушка

О смерти говорить не надо;
Одних тиранов смерть пусть поразит.
Свободы страж пусть победит.
Он сдержит клятву; клятва—щит
И лавр—его побед награда.

Х о р д е в у ш е к

Победители пришли,
 Враг разбит родной земли,
 И победы увенчали
 Дело доблестных солдат.
 Славу нам завоевали,
 В битве смерть обрел пират.

П е р в ы й ю н о ш а

Не может быть альтернативы,
 Не нашу смерть—победу видит свет.
 Да, мы по праву горделивы:
 Свобода не погибнет, нет!
 Народы будут жить счастливы.

Х о р ю н о ш е й

Храбры мы, не знаем бед.
 В храбрости—залог побед... и т. д.

П е р в а я д е в у ш к а

В успех французского народа
 Не веря, оскорбим мы божество.
 Как можно думать, что свобода
 Не охраняется его?
 Сомненье—худшая невзгода.

Х о р д е в у ш е к

Победители пришли,
 Враг разбит родной земли,
 И победы увенчали... и т. д.

Мэ р. Храбрецы товарищи! Как выразить нам то чувство радости, с каким коммуна приветствует ваше возвращение! Если бы вы вернулись не победителями, наши двери оказались бы для вас запертыми и мы сказали бы вам: ступайте и исполните, что обещали, а пока мы не признаем вас! Но вы вернулись победителями, и наши объятия для вас раскрыты. Мы знаем, какие подвиги храбрости вы совершили: глаза наши, хоть и издали, но следили за вашими деяниями. Узнайте и вы, как проявляли свой патриотизм ваши сограждане и согражданки за время вашего отсутствия. Вы увидите, что мы с вами достойны друг друга... Мы приняли на себя и скрепили всеми нашими подписями обязательство охранять порт, коммуны, береговую полосу, а также оберегать революционное настроение и революционные принципы в наших краях. Приток спешивших дать свои подписи республиканцев и республиканок был так велик, что на это дело потребовалась целая декада. Приняты, однако, лишь подписи тех, чья гражданственность была вполне проверена, и ни одного имени аристократа не вкралось в список патриотов. Только нам, истинным сынам Республики, принадлежат право и радость ее защищать. Мы оставили место и для вас, славные товарищи, и надеемся, что несколько страниц будет заполнено вашими именами. Жить свободными или умереть! Таков призыв, обращаемый нами ко всем, и он не останется без ответа.

Кстати, вы прибыли во-время, так что можете принять участие в празднике. Матери семейств только-что дали обет воспитывать детей в республиканских принципах. Теперь очередь за девушками. Это не может не интересовать вас. Внимание же!

Один из граждан. Тише!

Комиссар. Вы только-что выслушали, молодые гражданки, торжественный обет, данный матерями семейств. Вы тоже принадлежите Республике, с нежностью смотрит она на вас и твердо в вас верит. Вы обязаны связать себя с ней священным обетом. Дети, юноши, мужи—молодые и старые, словом, все члены нашей великой семьи, без различия пола и возраста, соревнуются в обетах любви к Республике и в верности ей. И одни вы останетесь бесчувственными и безмолвны? Неужели слух ваш, ваши души глухи к сладостному слову отечество? Нет, вы не хуже других сумеете послужить родине: ваш долг—не на поле битвы ее отстаивать, а, оставаясь в лоне семьи, быть носительницами добрых республиканских нравов. Возводите сердца молодых людей к высотам республиканских добродетелей, зажигайте в них огонь любви к родному краю! Отвертывайтесь с презрением от глупых и самовлюбленных франтов, только республиканцам отдавайте и уважение свое и любовь! Вам дано вознаграждать тех, кто заслужил благодарность соотечественников, сражаясь ли с оружием в руках против иноземных когорт коалиции или борясь внутри страны с притаившимися врагами нарождающейся свободы. Только тот вас достоин, кто идет на зов отечества, кого не удержали от выполнения долга ни нежные привязанности, ни самые дорогие интересы, ни самые святые чувства; тот только, кто идет на смерть, не страшась никаких опасностей, преодолевая все трудности, забывая о прелести мирной и тихой жизни в лоне любящей семьи, идет померяться силами с наймитами деспотов, чтобы их кровью отомстить обиды родины. Таковы те, что победителями вернулись сегодня в родные места, в ваши объятия, вернулись, полные готовности снова лететь на зов опасности. Но заслуживают также гражданских венков, сплетенных вами из мирт любви и лавров славы, и те, что просвещали пробудившийся народ, проповедуя ему свободу, без страха вступая в борьбу с самыми могущественными врагами народа, те, кто не поддавался ни влиянию групп, разрушавших единство, ни авторитету отдельных личностей и оставался твердым перед соблазнами страстей и материальных выгод. Неподкупна их добродетель, непоколебим их патриотизм. Юные гражданки! Обещайте соединять ваши руки только с руками республиканцев, выходить замуж за истинных граждан, пламенных и искренних друзей свободы и равенства, обещайте отвергнуть всякую связь с приверженцами аристократии!

Молодые гражданки. Обещаю... от всего сердца! Мы все обещаем!

Один из санкюлотов. Ну уж теперь, чорт их дери, всем нашим щеголям да аристократам не миновать превратиться в патриотов! Ведь иначе им безбрачие грозит!

Музыка: небольшие оркестровые номера. Куплеты молодых гражданок, принесших обеты.

Комиссар. Как прекрасна, как трогательна эта церемония: среди благоговеющего молчания собравшихся, прерываемого лишь внезапными взрывами радостных патриотических чувств, были даны столь ценные

для Республики священные обеты. Обеты эти—верная гарантия ее жизнеспособности, основой которой служит укрепление добродетелей и улучшение нравов. Согражданки наши отныне становятся равными нам, ничем не уступая нам в любви к родине! Отцы! Идите в бой без страха: в ваших семьях подрастают на смену вам те, что за вас отомстят,—жены ваши воспитают Республике новых защитников. Вы, молодые граждане, без колебаний можете вырваться из объятий избранниц своего сердца, обещавших вам руку: никто не отнимет их у вас! Ступайте в погоню за лаврами славы; вы вернетесь, и для вас расцветут мирты любви.

Дитя из Батальона надежды отечества. Гражданин комиссар, я прошу тебя предоставить мне слово.

НОТЫ „ГИМНА К СВОБОДЕ“, ИЗД. 1792 г.

На припев этого гимна: „Воля, воля ты, святая“ написаны куплеты детей в пьесе „Обеты гражданок“
Частное собрание, Ленинград

Комиссар. Даю его тебе, друг.

Дети. Слушайте, слушайте!

Юный оратор. По поручению товарищей я прошу тебя принять обет и от нас. Если бы нам выдали оружие, мы пошли бы заодно с отцами на врага отечества, но то, что отсрочено—не потеряно, и мы еще покажем в свое время, что за народ республиканцы! Их мужество не зависит от возраста. А сегодня мы присоединяемся к произнесенным здесь обетам: мы обязуемся следовать наставлениям матерей и примеру отцов, обязуемся горячо любить отечество, благо которого всегда будет единственной целью нашей деятельности!

Куплеты детей

На мотив: «О, воля, воля ты, святая!..»

Все для отечества родного!
Ему все силы отдаем.

Оно потребует—без слова
 На поле битвы мы пойдём.
 Как прекрасно умирать
 За возвышенное дело!
 Мы свободу защитим,
 Нету радости предела,
 Честь в потомстве сохраним.

На другой мотив

Нас наши матери наставят
 Всем добродетелям своим.
 Уроки их наш ум направят,
 Как Брут, мы твердость сохраним.
 Тирана поразить
 Всегда готовы наши руки.
 Ревниво мы
 Права народа отстоим.
 Не остановят нас и муки,
 Когда законы защитим.

На мотив: «О, воля, воля ты, святая!..»

Все для отечества родного!
 Ему все силы отдаем и т. д.

К о м и с с а р. Браво, юные товарищи! При таких защитниках свобода не погибнет!

Друзья, этот прекрасный день мы хотели закончить актами усыновления и гражданского брака. Для детей-сирот нашлись приемные родители. Они сейчас появятся среди вас. А затем вы будете присутствовать при публичном заключении брака: вступят в союз две избранные четы, немущие, добродетельные, исполненные патриотизма, которых я наделил приданым от имени Республики. Но к вам возвратились молодые сограждане из набора первого призыва. Пусть же они сначала предъявят свои требования к согражданкам, которые связаны с ними словом. Что скажет на этот счет Туллия? Ее союз с Клервалем был бы лучшим завершением сегодняшнего торжества.

К л е р в а л ь (*своим товарищам*). Странно! Он знает мое имя... Но почему, черт возьми, собирается он женить меня на той, что зовется Туллийей,—ее, правда, за меня сватали, но я ведь едва знаком с ней, и забыть ее совсем не было бы преступлением с моей стороны.

К л е р в а л ь

На мотив: «Как считаешь ты алмазь».

Как честь, правдивость нам мила,
 Республиканца слово свято.
 Хотя обещана была

Рука мне Туллии когда-то,
 Но край оставил я, друзья,
 Все поглотила тень забвенья.
 Ей возвращаю слово я,
 Не совершая преступленья.

Туллия

На мотив: «Чижу завидуешь ли ты?»

Была я юной, безмятежной,
 Он был со мною обручен,
 Но только голос страсти нежной
 Диктует сердцу свой закон.
 Зовусь я Туллией. Должна я
 Избрать героя женихом,
 Или трибун родного края
 Пусть в сердце властвует моем.

*

С тех пор, как мне предстал так мило
 Слуга законов—комиссар,
 Вопрос я сразу разрешила:
 Во мне проснулся сердца жар.
 Ведь тот, кто честь родного края
 Всегда так пламенно любил,
 Сумеет уделить, пылая,
 Жене-подруге тот же пыл.

Мэр. Наше общее с тобой желание, милый друг, как видишь, осуществляется. Любовь к родине не вынуждает тебя жертвовать личной любовью, которую на этот раз отечество может только одобрить. Сообщаю вам, граждане, что Жюль, пламенно любя мою сестру Туллию, намеревался соединить ее с Клервалем: похищать у защитника родины и свободы обещанную тому руку—эту награду за совершенные подвиги—он считал недостойным делом. И вот он добровольно отказывался от той, что так дорога его сердцу,—от награды, им вполне заслуженной. Он хотел создать счастье человека, в котором умел видеть не соперника, а брата, чьи интересы ставил выше своих. Прекрасна готовность к такой жертве, и пусть увенчается она браком нежно любящей пары. Будь свидетелем их счастья, народ! Наслаждаясь празднеством, насладись и зрелищем этой прекрасной четы, добродетельной, неимущей, наделенной с твоего согласия приданым. Всенародно, перед Алтарем Отечества пусть соединятся они узами брака! Полнобуйтесь все и еще одним зрелищем—зрелищем того, как малолетние дети, оставшиеся сиротами, вводятся в новую семью благодетельным установлением и попечением общества. Отныне гражданскими браками и усыновлением будет завершаться каждое торжество празднования декады.

Куплеты граждан и гражданок на мотив: «Он жертвует отечеству»

Конец второго и последнего действия.

Следует большой балет-пантомима.
Вот подробное описание действующих в нем лиц и постановки.

БАЛЕТ

Сцена представляет попрежнему Храм Разума, а содержанием балета-пантомимы, заканчивающего пьесу, служат торжества усыновления и гражданской свадьбы, следующие за произнесением обета гражданами.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА И КОСТЮМЫ

Двенадцать месяцев года³⁵:

Вандемьер

Лиф и панталоны телесного цвета. Платье—газовое, украшено, как и голова, виноградными лозами; в руке пышная ветвь винограда.

Свита: два сборщика и две сборщицы винограда в крестьянской одежде; в руках у них по корзине винограда, по серпику и надпись с названием месяца.

Брюмер

Костюм из газа серого цвета, изображающий парящий в воздухе туман.

Свита: четверо детей в одежде того же цвета; они изображают темные тучи и густой туман; в руках держат название месяца.

Фример

Головной убор и одежда из звериной шкуры, в руках—лук и стрелы.

Свита: четыре охотника с различного рода добычей и плакатами с названием месяца.

Нивоз

Весь в белом, чтобы изобразить снег. В руках жаровня в виде треножника, пылающая пламенем от горящего на ней винного спирта.

Свита: двое детей с коньками и со снежными шарами в руках.

Плювиоз

Наяда, держащая урну.

Два старика и две старухи с зонтами несут название месяца.

Вантоз

Обычный костюм Эола: газ цвета зари или огня, собранный в мелкие буфы, как бы надутые ветром.

Свита: четыре ветра в костюме Борея.

Жерминаль

Лиф и панталоны телесного цвета, покрыты зеленым и белым газом; венки, платье и пояс из бутонов цветов; в руке ветка цветущей вишни.

Свита: четверо детей несут деревца в цвету.

Флореаль

Костюм Флоры; венки и гирлянда из всевозможных цветов.

Свита: группы маленьких зефиром с гирляндами цветов и названием месяца в руках.

П р е р и а л ь

Все из зеленого газа; венки из зелени; пояс из фиалок и других полевых цветов.

Свита: четверо детей держат в руках лейки и название месяца.

М е с с и д о р

Венок из колосьев; в руках снопы и серп.

Свита: два жнеца и их жены несут косы, снопы и название месяца.

Т е р м и д о р

Почти нагой, на груди большое солнце, лицо покрыто потом, в руках горящие факелы.

Свита: четыре крестьянина, поддерживающие его и вытирающие пот со своих лиц: они истомлены жарой месяца, держат в руках его название.

Ф р у к т и д о р

Обычный костюм Помоны³⁶, в руках рог изобилия.

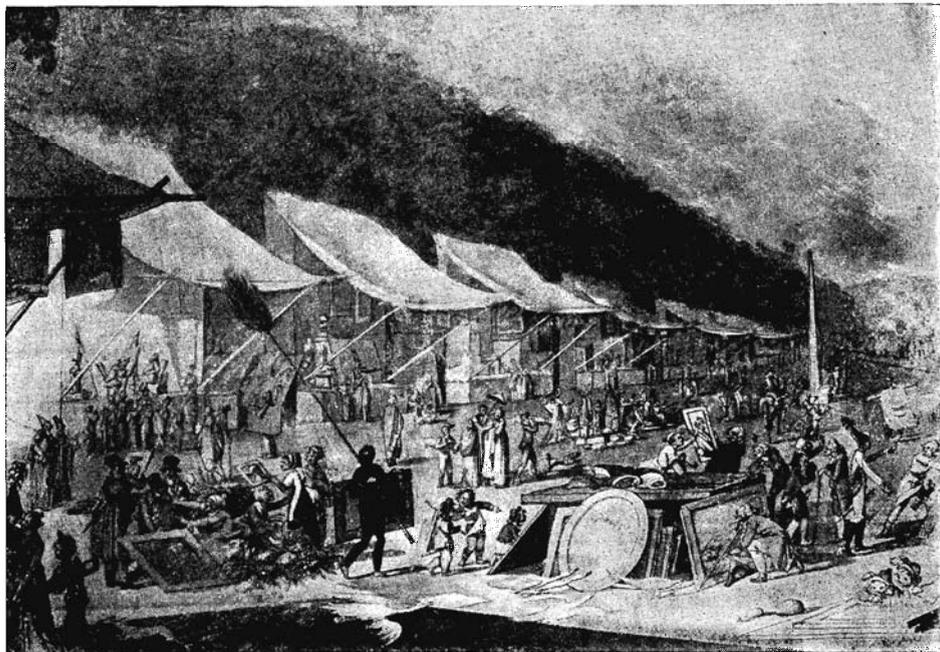
Свита: садовники с женами несут полные плодов корзины.

П я т ь с а н к ю л о т и д

1. Д о б р о д е т е л ь. Белое простое платье с покрывалом того же цвета; на лбу—слово «добродетель». Ее сопровождают молодые девушки, одетые в белое.

2. Г е н и й. Телесный цвет и белая газовая материя; на лбу венок, из которого спереди исходит легкое пламя горящего винного спирта.

Свита: все искусства с их атрибутами.

ПАРИЖСКИЙ АНТИКВАРНЫЙ РЫНОК ЭПОХИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Акварель неизвестного художника французской школы XVIII в.

Музей изобразительных искусств, Москва

3. Труд. Его олицетворяет могучего сложения крестьянин с заступом и косой в руках.

Свита: кузнецы, слесаря, плотники, каменщики и рабочие разных других профессий с главными орудиями своего ремесла в руках.

4. Общественное мнение. Фигура в трехцветном костюме; в руке высокая шляпа с трехцветным султаном.

Свита: народ-санкюлоты.

5. Воздаяние. На одной руке ее нанизаны гражданские венки, в другой—маленький обелиск со следующими четырьмя надписями: великим людям, за отечество погибшим; добродетели; мужеству; республиканскому красноречию.

Свита: большая группа молодых девушек; они несут гражданские венки, бюсты погибших за отечество великих людей и небольшую картонную модель французского Пантеона³⁷.

Аллегорические фигуры³⁸:

1. Свобода. Одета в костюм, обычный для этой фигуры на сцене. Опирается одной рукой на связку оружия, другой держит палицу. Фигуру несут четверо санкюлотов в красных колпаках.

2. Равенство. В руках нивеллир. Несут фигуру рабочий, богач, мавр и мулат.

3. Братство. Представлено двумя белыми женщинами и чернокожим мужчиной между ними; все трое покрыты одним плащом—подобно Павлу и Виргинии³⁹.

4. Бдительность. Одноглазая маска, с глазом посередине лба. На груди—треугольник с глазом в его центре. Платье все усеяно изображениями глаза. За фигурой следует группа санкюлотов, изображающая народное объединение.

5. Победа. В одежде Клоринды⁴⁰. Панцырь и доспехи. За ней—группа воинов, изображающая победоносную армию.

6. Разум. У него в руке «Права человека»⁴¹. Стоит на триумфальной колеснице, которая топчет под собой предрассудки. Колесница снабжена соответствующими надписями. В нее впряжена пара белых коней.

Группа моряков, несущих маленькое судно с трехцветным флагом. Надпись: обойдет весь земной шар.

Группа старцев: перед ней несут знамя с изображением заходящего солнца и надписью: наши последние дни—лучшие дни нашей жизни.

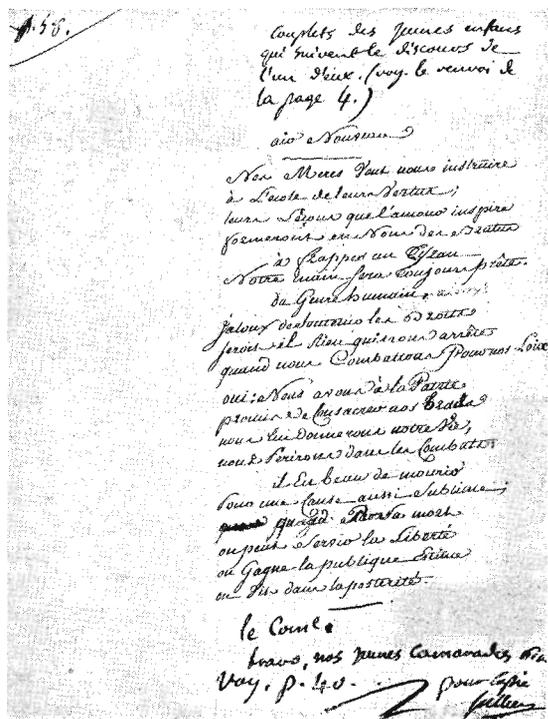
Группа детей обоего пола; детей ведут за руки приемные их родители; над серединой группы—маленькое знамя с надписью: мы родились на заре свободы. Далее еще лозунги: узы усыновления стоят естественных уз; братство образует из человечества единую семью.

Появляется чета вступающих в брак. Ее сопровождает муниципальный служащий; Батальон надежды отечества замыкает шествие.

После того, как ряд действующих лиц проследует в только-что указанном мною порядке, двенадцать месяцев в год исполняют раз-

ПОСЛЕДНЯЯ СТРАНИЦА
ПЬЕСЫ „ОБЕТЫ ГРАЖДАНОК“
МАРКА-АНТУАНА ЖЮЛЬЕНА С ЕГО
СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ ВСТАВКАМИ
И ПОДПИСЬЮ

Институт Маркса — Энгельса — Ленина,
Москва

личные танцы и постепенно соединяются в группы, по три месяца в каждой, знаменуя различные времена года; далее, обнаружив, что год выходит неполный, они призывают пять санкюлотид, которые и присоединяются к их игре. Персонажи, служащие свитой месяцам года и санкюлотидам, время от времени также участвуют в танцах; их группы то соединяются, то разъединяются с теми в р е м е н а м и г о д а, чьей свитой они служат. Ш е с т ь м е с я ц е в г о д а располагаются со своей свитой по одну сторону сцены; остальные шесть—по другую. П я т ь с а н к ю л о т и д располагаются посередине сцены; к ним присоединяется Свобода с Равенством по правую от нее сторону и Братством—по левую. М е с я ц ы г о д а образуют круг около трех богинь и один за другим чествуют их.

Маленькие дети из свиты Флореаля слагают из цветочных гирлянд, которые у них в руках, слова: с в о б о д а, р а в е н с т в о и б р а т с т в о. Три богини встречают благосклонной улыбкой теснящуюся около них толпу, а затем принимают участие в игре.

М е с я ц ы и с а н к ю л о т и д ы тесно, как пучки, сплоченными группами окружают С в о б о д у; все они по очереди проходят затем под эмблемой, которую держит Р а в е н с т в о. Наконец, сплетающиеся в большом числе около Братства круги танцоров как бы изображают те узы, которыми Братство связывает людей между собою.

Р а з у м появляется рядом с П о б е д о й, Б д и т е л ь н о с т ь ю и группами, их сопровождающими; остальные находящиеся на сцене актеры окружают колесницу Разума и склоняются перед ним и перед «Правами человека». Следуют простые танцы, близкие к природе и изображающие бичевание предрассудков: все стремятся участвовать в уничтожении последних. По данному Победой знаку, указывающему на двенадцать

воинов, Награда наделяет их венками; скромные воины отказываются от венков и кладут их на обелиск. Добродетель обнимает воинов.

Бдительность подзывает Общественное мнение и указывает на щеголя в красном колпаке, который замешался в группу моряков. Общественное мнение срывает со щеголя красный колпак, и разоблаченный фронт постыдно исчезает.

Моряки один за другим проносят модели кораблей перед Свободой, Разумом и Победой и исполняют матросские танцы, не заслоня надписей на флажках.

Дети чувствуют группу стариков; от последней отделяется старик и приводит на сцену Труд с его свитой, как полезное для детей зрелище; ребятишки спешат приняться за дело, причем каждый избирает ремесло по своему вкусу. Двое несчастных, почти голых сирот находят себе убежище под плащом, которым облечено Братство. Два зажиточных гражданина, один—в сравнительно богатой одежде, другой—в одежде санкюлота, усыновляют сирот и ведут их к Алтарю Отечества, где все четверо обнимаются, исполняя священный обряд у с н о в л е н и я. Появляются жених и невеста в сопровождении комиссара; они соединяют свои руки над Алтарем Отечества: это совершается г р а ж д а н с к и й б р а к.

Месяцы года и другие действующие в балете лица исполняют танцы, окружая супругов; подносят им в подарок цветы и орудия труда, которые могут тем понадобиться. Подносимые им же изображения младенцев, мальчика и девочки, как бы говорят о плоде их союза, пророча радость, которую внесет в нарождающуюся семью этот верный залог взаимной любви.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ С а н к ю л о т и д ы—этим именем назывались пять дополнительных дней в году по республиканскому календарю. Республиканский год делился на 12 месяцев, начиная с 22 сентября, по 30 дней каждый, что составляло 360 дней. Год начинался 22 сентября и кончался 17 сентября. Недостающие до 22 сентября пять дней и составляли санкюлотиды. Последний день санкюлотид был посвящен национальным праздникам. В якобинской драматургии, кроме того, санкюлотидами назывались иногда небольшие пьесы, в которых действенное содержание заканчивалось политическим апофеозом. Ярким образцом такой пьесы и являются «Обеты гражданок» Жюльена де Пари.

² По постановлению Комитета общественного спасения Конвента от 15 апреля 1793 г., по департаментам были разосланы доверенные агенты, главной обязанностью которых было сообщать Комитету сведения об истинном состоянии общественного мнения на местах (в департаментах, войсках, администрации, трибуналах, народных обществах, деревнях и городах), а также собирать сведения о материальном благосостоянии и безопасности Республики.

Агентом Комитета общественного спасения Жюльен был назначен 10 сентября 1793 г. и тогда же послан в департаменты для поднятия общественного духа и проведения политики Горы. С 10 апреля по 18 мая 1794 г. Жюльен состоял таким агентом Комитета общественного спасения в Бордо, а с 18 мая Исполнительной комиссией отдела народного просвещения ему, как помощнику комиссара этой комиссии, поручается «принять все меры, получить все инструкции и мобилизовать всех агентов, необходимых ему для выполнения в Бордо возложенных на него обязанностей» (Extrait du registre des arrêtés de la Commission exécutive de l'instruction publique du vingt-neuvième jour de floréal an 2e de la République Française, une et indivisible. Рукопись хранится в ИМЭЛ). Судя по записям Жюльена, относящимся еще к его деятельности на Западе, куда он был послан Комитетом общественного спасения для поднятия духа общественности, он неизменно выступал в качестве организатора народных национальных празднеств (Régistre de mes opérations et de ma correspondance). Хранится в ИМЭЛ). О Жюльене и его архиве, хранящемся в ИМЭЛ, см.: А л е к с а н д р и В., Из истории французской революции XVIII в. Обзор коллекции Марка-Антуана Жюльена де Пари. «Борьба Классов», 1935, № 5.

³ С а н к ю л о т ы—городская беднота, мелкобуржуазные и полупролетарские плебейские элементы, являвшиеся главной боевой силой во всех массовых революционных организациях и революционных выступлениях. Название санкюлот происходит от французского «sans»—без и «culottes»—короткие штаны до колен с чулками, которые носили представители высших классов. В отличие от них, санкюлоты носили длинные штаны до щиколотки.

⁴ П р и з ы в н и к и п е р в о г о н а б о р а—рекруты от 18 до 25 лет, мобилизованные в армии Республики по декрету Национального конвента от 23 августа 1793 г.

⁵ Б а т а л ь о н н а д е ж д ы о т е ч е с т в а. В докладе Жюльена о Лориане (Rapport sur l'Orient, commune montagnarde. Рукопись хранится в ИМЭЛ) говорится, что дети от 8 до 12 и от 12 до 16 лет формировались в особые Батальоны надежды отечества; из последних формировались различные роты их собственными же офицерами. Об организациях этих рот доводилось до сведения муниципалитета. Роты получали инструкторов из членов Национальной гвардии, которые формировали из них личную гвардию (Garde personnelle) под наблюдением ветеранов. Таким образом, молодые сограждане помогали своим отцам в их повседневной службе в Национальной гвардии, а иногда даже принимали участие в военных действиях.

⁶ К л е л и я—героиня римско-этрусской войны (507 г. до н. э.); римляне воздвигли ей конную статую.

⁷ Д е к а д н ы е п р а з д н и к и—праздники, устраиваемые в последний день декады. Республиканский месяц делился на 3 декады. Все дни декады имели свои названия: примиди (первый день), дуоди, триди, квартади, квинтиди, секстиди, септиди, октиди, нониди и последний день—декади. Этот день заменял воскресенье и был посвящен отдыху и праздникам.

⁸ А л т а р ь О т е ч е с т в а—пирамидальное сооружение из досок, украшенное знаменами, листьями, республиканскими эмблемами и патриотическими надписями. Декретом от 6 июля 1792 г. Законодательное собрание постановило воздвигнуть алтари отечества в каждой коммуне. У этих алтарей должны были совершаться общественно-патриотические обряды, производиться запись рождений, смерти, браков и т. д. Алтарь отечества был местом собраний жителей для различных публичных торжеств; здесь собирались для чествования побед революционной армии, всевозможных праздников и т. д.

⁹ Римская история знает двух Туллий: первая—дочь царя Сервия Туллия и жена (в рукописи Жюльена здесь явная описка) Тарквиния Гордого—получила печальную известность своим властолюбием и преступлениями. Убив своего первого мужа—брата Тарквиния, она помогала последнему в свержении с престола и убийстве своего отца Сервия (543 г. до н. э.). Вторая Туллия (78—46 г. до н. э.)—любимая дочь Цицерона, воспитанная им самим.

¹⁰ Х р а м Р а з у м а. 10 сентября 1793 г. депутаты коммун объявили о принятии конституции 1793 г. Парижская коммуна, после нескольких антирелигиозных манифестаций, заменила христианство «культом Разума без священников». Было решено, что манифестации в честь нового культа будут происходить в Соборе парижской богоматери (Notre-Dame de Paris), превращенном в Храм Разума, и что республиканский праздник будет там чествоваться каждую декаду. 10 ноября 1793 г. Национальный конвент формально одобрил новую религию и в сопровождении народа отправился в Собор парижской богоматери для торжественного освящения нового культа. Торжественные открытия храмов производились во всех секциях Парижа и в департаментах, где чествование нового культа было наиболее оживленным. Культ Разума возник под влиянием антихристианских тенденций некоторых слоев революционной демократии. Несколько позже он встретил противодействие со стороны Робеспьера и уступил место культу Верховного существа.

¹¹ Н а р о д н ы е о б щ е с т в а. С 1789 г. граждане получили право организовываться в народные общества. Народных обществ насчитывалось во всей Франции до 44000. С конца 1789 г. народные общества становятся опорой правительства на местах и руководителями общественного мнения. В общем, круг их деятельности не был точно фиксирован: их усилия направлялись на самые неотложные задачи текущего момента, начиная с чистки местной администрации и кончая работой в области продовольствия или организации «культа Разума».

¹² Г р а ж д а н с к и й в е н о к. По примеру римлян, которые подносили венок или дубовую ветвь легионеру, спасшему жизнь товарищу по оружию, эта награда давалась во время Французской революции солдатам, гражданам и гражданкам за храбрость или гражданские добродетели.

¹³ В а н д е я—департамент в провинции Пуату, на западе Франции, главный очаг контрреволюционного восстания во времена Конвента и Директории. Вандейская война

1793—1796 гг. была борьбой Национального конвента с непризнавшим гражданское устройства церкви духовенством, эмигрантами и жирондистами, использовавшими в своих контрреволюционных целях отсталые крестьянские массы Вандеи.

¹⁴ Э л о и з а (1101—1164)—подруга Абельяра (1079—1142). Страстная и трагическая любовь, соединявшая Абельяра и Элоизу, сделала, как известно, их имена нарицательными, обозначающими идеальных возлюбленных.

¹⁵ «П о д о з р и т е л ь н ы е». В начале Французской революции (1789—1792 гг.) «подозрительными» назывались лица, отказывавшиеся назвать свое имя, указать свое жилище и свою профессию или скрывавшие оружие. По декрету Национального конвента от 17 сентября 1793 г., на местные «наблюдательные комитеты» возлагалась обязанность составления по своим округам списков «подозрительных», в целях борьбы с ними. Круг «подозрительных» расширялся. К ним стали относить людей, произносящих запугивающие речи на собраниях, в скрытой форме распространяющих сведения о неудачах Республики, подчеркивающих небольшие ошибки патриотов и умалчивающих о преступлениях роялистов и аристократов, тех, которые, «имея на языке всегда слова „свобода“, „отечество“, „республика“, держали связь с „бывшими“, с контрреволюционерами, священниками и пр.». «Подозрительными» считались также лица, которые, не принимая никакого участия в революции, отделялись от всех своих гражданских обязанностей уплатой налогов, пожертвованиями, службой в Национальной гвардии, не неся ее лично, а выставляя вместо себя кого-либо, не посещающие секций под разными предлогами; наконец, те, которые, «ничего не сделав против свободы, ничего не сделали и для нее».

¹⁶ А н ж е р—столица Анжу. Главный город департамента Мен и Луар. В начале вандейской войны был центром действий республиканских армий против мятежников. Несколько раз был захвачен вандейцами, но в начале декабря 1793 г. вандейцы были отброшены геройски защищавшимся населением.

¹⁷ М о—город в департаменте Сен и Марн.

¹⁸ О с а д а Г р а н в и л я. Гранвиль—порт и город в Нижней Нормандии. 23 октября 1793 г. город был осажден вандейцами. Гарнизон и жители проявили необычайное мужество. Женщины и дети принимали активное участие в защите города. Осада продолжалась 28 часов, вандейцы были отброшены. Карпантье, докладывая об этом в Конвенте, заявил: «Осада Гранвиля равноценна для Республики выигранному сражению» («Le siège de Granville valait à la République le gain d'une bataille»). Национальное собрание заявило, что гарнизон и жители Гранвиля «оказались достойными своего отечества».

¹⁹ Ф л о р е а л ь и м е с с и д о р. Флореаль—второй весенний месяц по республиканскому календарю, а мессидор—первый летний.

²⁰ Т р и ц в е т а—синий, белый и красный—стали с 1789 г. национальными цветами Франции, знаменуя собой слияние трех сословий.

²¹ Э м б л е м ы с в о б о д ы. Трехцветное красно-бело-синее знамя, сменившее династическое знамя Бурбонов—белое с золотыми лилиями, трехцветная кокарда, трехцветные шарфы, ленты вошли в употребление после взятия Бастилии (14 июля 1789 г.).

²² Д р е в о С в о б о д ы. В 1790 г. в Сен-Годане священником Норбером Пресаком было посажено первое Древо свободы, а к середине 1792 г. их возвышалось уже свыше 60 000 по всем коммунаам. Древа свободы украшались цветами, трехцветными лентами, знаменами, патриотическими девизами и т. д. Они были пунктами остановок процессий в гражданские праздники. Их насаждения сопровождалась всегда большой торжественностью и народными увеселениями. Солдаты республики сажали Древо свободы во всех местах, через которые проходили революционные армии.

²³ 14 и ю л я (1789 г.)—день падения Бастилии.

²⁴ 10 а в г у с т а (1792 г.)—день низложения короля Законодательным собранием и заключения его в тюрьму.

²⁵ 31 м а я (1793 г.) Национальный конвент, под давлением Робеспьера и Марата, упразднил Комиссию двенадцати, состоявшую из жирондистов и образовавшуюся в ответ на выступления Коммуны, руководимой Гебером. Этим санкционировалась победа монтаньяров над жирондистами.

²⁶ Г о р а, или «монтаньярь»,—группа левых депутатов Законодательного собрания и Конвента, занимавших места на верхних скамьях с левой стороны.

²⁷ 21 с е н т я б р я (1792 г.) Конвент голосовал за отмену королевской власти и провозглашение Республики.

²⁸ К о б л е н ц—немецкий город при слиянии Рейна с Мозелем—вскоре после взятия Бастилии стал местом скопища эмигрантов-аристократов, а в 1790 г.—главным штабом армии принца Конде, командующего эмигрантской армией.

²⁹ Правосудия.

³⁰ *Lepelletier de St-Fargeau* Луи-Мишель (1760—1793)—депутат Генеральных штатов и Конвента. Голосовал за казнь Людовика XVI. Накануне казни короля (21 января 1793 г.) пал от руки королевского гвардейца Париса, мстившего за осуждение короля. Тело Лепелетье было установлено на пьедестале статуи Людовика XIV, опрокинутой за год перед этим. Народ дефилировал перед телом весь день и всю ночь. Конвент устроил Лепелетье торжественные похороны, и прах его был помещен в Пантеоне.

³¹ *Chalier* Марк-Жозеф (1747—1793)—глава лионских якобинцев. Известен под именем «лионского Марата». Был арестован в мае 1793 г. восставшим против Конвента муниципалитетом Лиона и гильотинирован. Поднявшись на эшафот, попросил палача приколоть к его груди трехцветную кокарду.

³² *Raboteau* Пьер-Поль (1765—1826)—французский литератор. С 22 лет имел звание члена Академии изящной литературы своего родного города Ла Рошель. С 1797 г. он жил в Париже, занимаясь литературной деятельностью и сочиняя, главным образом, пьесы для театра.

³³ *Эпаминонд*—знаменитый фиванский полководец (418—362 до н. э.). Сражался за независимость Фив со спартанцами. Помимо военных способностей, отличался красноречием, высокой честностью и самоотверженной любовью к отечеству.

³⁴ *Pitt* Уильям (Питт-младший) (1759—1806)—английский политический деятель, с 1789 г.—первый министр, упорный враг Французской революции, организатор коалиции против революционной Франции.

³⁵ Названия месяцев в. Революционный календарь был введен 5 октября 1793 г. после доклада Жильбера Ромма в Национальном конвенте 20 сентября того же года. Началом же новой эры для Франции считался день основания Республики, 22 сентября 1792 г. Год делился на 12 равных месяцев по 30 дней в каждом. Три осенних месяца были: ванدمер (сентябрь—октябрь)—месяц сбора винограда, брюмер (октябрь—ноябрь)—месяц туманов, фример (ноябрь—декабрь)—месяц заморозков. Три зимних назывались: нивоз (декабрь—январь)—месяц снега, плувиз (январь—февраль) месяц дождя, вантоз (февраль—март)—месяц ветров. Весенние месяцы: жерминаль (март—апрель)—месяц образования почек и ростков, флореаль (апрель—май)—месяц цветов, прериаль (май—июнь)—месяц сенокоса. Летние месяцы были: мессидор (июнь—июль)—месяц колосьев, термидор (июль—август)—месяц солнечного зноя, фруктидор (август—сентябрь)—месяц плодов.

Имена святых, приуроченные к каждому дню недели, были заменены названиями плодов сельского хозяйства. Поэтические названия месяцев были даны писателем Фабром д'Эглангином. Революционный календарь просуществовал 13 лет. 1 января 1806 г. был снова заменен грегорианским календарем.

³⁶ *Помона*—римская богиня плодов.

³⁷ Национальное собрание, постановлением от 4 апреля 1791 г., превратило церковь св. Женевьевы в Париже в храм, получивший название французского Пантеона, в котором должны были покоиться останки великих людей страны. Здание было украшено надписью: «Великим людям благодарное отечество».

³⁸ *Аллегорические фигуры*. Еще в первые годы Французской революции установился обычай отображать политические идеи в аллегорических изображениях. Признанными символами были: нивелир—знак равенства; кокарда национальных цветов; копье—оружие свободного человека; плуг—символ земледельческого труда; компас—символ умственного труда; пук прутьев—знак силы, которая достигается единением; дуб—эмблема процветания рода и символ семейных добродетелей. В качестве аллегорических фигур пользовались также изображениями треугольника, кошки, глаза, пчелиного роя. Свобода изображалась в виде молодой женщины, одетой в тунику, держащей сломанное ярмо и красный колпак на конце копья. Равенству и братству обычно вручали ватерпас и пук прутьев. Победу украшали венками, пальмовыми ветками. Геня изображали в виде крылатого юноши с пылающим пламенем на голове.

³⁹ *Павел и Виргиния*—герои известной сентиментальной повести французского писателя Бернардена де Сен-Пьера (1737—1814).

⁴⁰ *Клоринда*—одна из героинь поэмы Тасса «Освобожденный Иерусалим», сражавшаяся в мужском одеянии и доспехах.

⁴¹ *Права человека и гражданина*—Декларация прав человека и гражданина (*Déclaration des droits de l'homme et du citoyen*)—политический манифест, выработанный Национальным собранием 4—27 августа 1789 г. и отменявший феодальные права и привилегии.

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Опубликованная нами рукопись пьесы Марка-Антуана Жюльена де Пари «Обеты гражданок» хранится вместе с другими многочисленными документами Жюльена в архиве Института Маркса—Энгельса—Ленина в Москве. Рукопись представляет собой переплетенную тетрадь с завязками размером 19,5×15 см. Заполнены и пронумерованы лишь первые 58 страниц тетради, остальные 86—чистые. Сохранность рукописи прекрасная. Рукопись не датирована, однако, время написания ее—апрель 1794 г.—легко устанавливается по другим документам из архива Жюльена, в частности, по письму его к Робеспьеру (см. выше, предисловие, стр. 542).

Переписана пьеса неизвестной рукой. Есть основания предполагать, что это рука одного из секретарей Жюльена, так как в рукописи «Регистр моих дел и корреспонденции» (*Régistre de mes opérations et de ma correspondance*) Жюльена (см. выше, предисловие, стр. 541) часто встречаются записи, сделанные той же рукой. Заглавный лист пьесы написан самим Жюльеном. Последняя страница рукописи также снабжена собственноручной надписью автора. Этой надписью он удостоверяет, на манер официальных бумаг, правильность копии пьесы и скрепляет это удостоверение своей подписью: «С подлинным верно. Жюльен» («Pour copie. Jullien»). Воспроизведение заглавной и последней страниц см. выше, стр. 543, 571.

Рукопись пьесы испещрена многочисленными собственноручными поправками Жюльена. Поправки эти, с одной стороны, упраздняют ошибки и опiski переписчика, с другой—дают варианты и уточнения текста (см., например, стр. 14 рукописи). Исправления, внесенные Жюльеном, свидетельствуют, вместе с тем, о том, что главное его внимание было обращено на четкость общей композиции пьесы и на музыкальное ее оформление. Так, например, Жюльен дополняет в первом акте одну сцену—четвертую (стр. 12 рукописи). После шестой сцены, перед вторым действием, вписывает: «Конец первого действия» (стр. 24 рукописи) и т. д. Для песенных куплетов Жюльен дает там, где эти указания отсутствуют, названия популярных мотивов, на какие они должны исполняться (стр. 4 рукописи): песенка Клелии (стр. 58 рукописи), куплеты детей и др. Больше всего подвергается авторским изменениям стихотворная часть пьесы. Так, куплеты юношей и молодых девушек после правки Жюльена получают новый вариант с прибавлением трех куплетов (см. стр. 35 и 55 рукописи). Первоначальная редакция куплетов детей (стр. 40 рукописи) зачеркивается и заменяется другой, более полной (стр. 58 рукописи). Несмотря на следы большой правки Жюльеном своей рукописи, ее все же нельзя считать совершенно законченной, и в ней остались некоторые неясности. На стр. 39 рукописи дается, например, ремарка: «Куплеты молодых гражданок, принесших обеты» (см. выше, стр. 564), а самый текст куплетов не дается. Отсутствует указание, когда должны исполняться куплеты юношей и молодых девушек, и пр.

Печатаемый нами русский перевод сделан с окончательного варианта Жюльена и не воспроизводит других вариантов текста. Исключение допущено лишь в одном-двух случаях, где восстановление зачеркнутого казалось нам необходимым. Фразы эти мы заключаем в ломаные скобки; в прямые скобки заключены восстановленные нами пропущенные и недописанные слова рукописи.